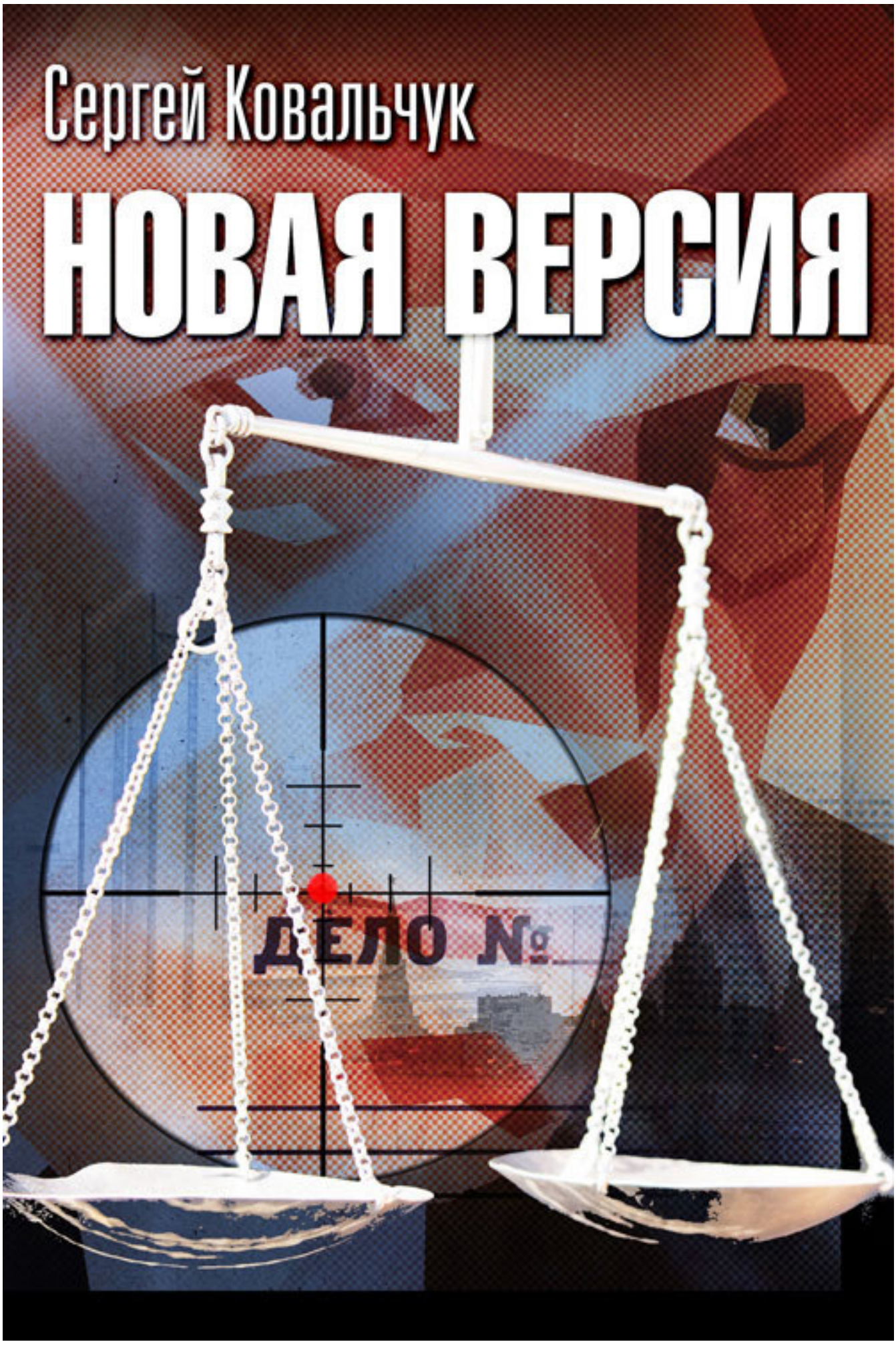

Сергей Ковальчук
НОВАЯ ВЕРСИЯ
ДЕЛО №

Сергей Ковальчук

Новая версия

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6982022
Новая версия / Сергей Ковальчук: Издать Книгу; Москва;
ISBN 9781311003355

Аннотация

Он не вызывал подозрений. Высокий, стройный мужчина с аккуратно зачесанными назад темными волосами, в солнцезащитных очках, в черной шелковой рубашке с коротким рукавом и джинсах. В руках длинная коробка для цветов, перевязанная красивой розовой лентой.

…Оказавшись на чердаке типовой многоэтажки по улице Косыгина, он открыл коробку и извлек из нее снайперскую винтовку «СВД» с глушителем и ночным прицелом.

Прильнув к окуляру, стрелок ясно увидел перед собой подъезд соседнего монолитного клубного дома. Расстояние до него было почти идеальным – триста метров.

Человек не спеша изготовился к стрельбе и стал ждать.

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 18
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Сергей Ковальчук
Новая версия

Глава первая

Суббота, 11 июля 2009 года.

Он не вызывал подозрений. Высокий, стройный мужчина с аккуратно зачесанными назад темными волосами, в солнцезащитных очках, в черной шелковой рубашке с коротким рукавом и джинсах. В руках длинная коробка для цветов, перевязанная красивой розовой лентой.

…Оказавшись на чердаке типовой многоэтажки по улице Косыгина, он открыл коробку и извлек из нее снайперскую винтовку «СВД» с глушителем и ночным прицелом.

Прильнув к окуляру, стрелок ясно увидел перед собой подъезд соседнего монолитного клубного дома. Расстояние до него было почти идеальным – триста метров.

Человек не спеша изготовился к стрельбе и стал ждать.

Примерно через час к подъезду подъехал представительский черный «Ауди А8».

Из автомобиля проворно вылезли водитель и телохранитель. Один из них, среднего роста коренастый блондин, отправился обследовать подъезд, а второй, высокий атлетически сложенный брюнет, подошел к задней двери Ауди, где на заднем сидении находился их босс.

Когда блондин, проверив подъезд, дал отмашку, брюнет открыл дверь черного седана, откуда вылез высокий и довольно грузный мужчина лет пятидесяти. Вдвоем с телохранителем мужчина подошел к услужливо распахнутой перед ним двери.

В это время, задержав дыхание, снайпер совместил его лицо с перекрестием прицела и плавно надавил на спусковой крючок…

Он открыл глаза. Спать уже не хотелось, зато можно было еще поваляться. Лежи себе, сколько хочешь, хоть до самого вечера. Ведь сегодня долгожданная суббота. Тем более, что вчера он, адвокат Василий Кравчук, отмечал оправдательный приговор, вынесенный его подзащитному, бизнесмену Федору Минку. Не сказать, что Василий был с дикого бодуна, но – голова раскалывалась, лицо оплыло, а во рту так же сухо, как в прокладке «Carefree» посреди знойной аравийской пустыни.

К тому же ночью спалось плохо. Мучили кошмары. Казалось, нет силы, способной оторвать его от подушки.

Но такая сила нашлась. Нажав на кнопку телевизионного пульта, Кравчук услышал голос дикторши:

«…И мы возвращаемся к главной новости. Сегодня, около часа ночи, в Москве, у подъезда своего дома по улице Косыгина, был убит известный предприниматель Федор Минк. Как уже сообщалось ранее, накануне он был оправдан Зюзинским районным судом Москвы. Минку инкриминировался целый ряд преступлений, но суд счел его вину недоказанной. Как удалось узнать нашему корреспонденту, в Минка стреляли с крыши соседнего дома. Стрелял снайпер из винтовки Драгунова, которая найдена там же. Единственная выпущенная из нее пуля угодила Минку в висок. На месте преступления всю ночь работала следственно-оперативная группа. Это убийство уже вызвало большой общественный резонанс. На место происшествия ночью прибыли прокурор города, руководитель городского следственного комитета и начальник ГУВД…»

Василий пораженно уставился в экран телевизора, где в это время мелькали кадры, снятые съемочной группой. Труп Федора Петровича с раскинутыми в стороны руками лежал на асфальте. Вокруг натянуты сигнальные ленты. Место происшествия оцеплено. Из-за спин сотрудников милиции видно, как работают эксперты. Щелкают фотовспышки. На заднем плане две машины с крутящимися синими проблесковыми маячками…

Сонливость мгновенно улетучилась. Быстро умывшись и приведя себя в порядок, Василий вышел из дома. После выпитого накануне за руль ему садиться было нельзя. Слава Богу, до офиса пешком было от силы минут двадцать.

Зачем он пошел на работу Василий и сам не знал. Но дома находиться он не мог. По дороге Кравчук набрал номер своего старшего коллеги, адвоката Маковского, с которым они вместе защищали покойного, но телефон Александра Яковлевича был отключен.

Василий кинул взгляд на часы. Без пятнадцати десять. После ночного дождя было еще свежо, хотя солнце уже припекало. День обещал быть жарким – все-таки середина июля, лето в самом разгаре.

По дороге он купил в ларьке жвачку и «Антиполицай», а также бутылку холодной минералки, которую тут же осушил одним залпом, после чего сунул под язык темную таблетку, убивающую все запахи изо рта.

Мысли роились, не позволяя сосредоточиться. «Кто это мог сделать? Почему именно вчера?..».

Придя в офис, Василий тяжело опустился в кресло. Хорошо, что сегодня суббота и на работе никого. Включив компьютер, он тупо уставился в монитор. За тот год, что он работал по делу Федора Петровича, Кравчук успел с ним подружиться и проникнуться к этому человеку искренним уважением и симпатией. По его мнению, Федор Минк был человеком глубоко порядочным и честным. Кто же его мог убить? И за что?..

За год до убийства.

Теплым июльским вечером 2008 года, закончив телефонный разговор, адвокат Василий Кравчук расслабленно откинулся на спинку кресла в своем офисе. Наконец-то полоса финансовых неурядиц, преследовавшая его последнее время, останется позади.

Вот оно, по-настоящему серьезное дело. Только что ему позвонил его бывший однокурсник и успешный адвокат Моисей Гольдшмидт и предложил взяться за защиту бизнесмена Федора Минка.

Чтобы узнать, что собой представляет этот Минк, Василий зашел в Интернет. Завтра утром ему и Моисею предстояла встреча с клиентом в его московском офисе. Судя по тому, что удалось почерпнуть из сети, Федор Петрович был фигурой довольно одиозной.

Будучи владельцем одной из крупнейших в стране торговых компаний, он был замешан в нескольких громких скандалах. Ему приписывались организация мошеннических схем и вымогательство с целью захвата чужого бизнеса.

Кроме того, не чужд был Федор Петрович и политических игр. В середине девяностых он был депутатом Законодательного собрания Северовской области. А одно время даже являлся его спикером.

Утром следующего дня Василий подъехал к четырехэтажному офисному зданию, находившемуся на территории промышленной зоны, недалеко от станции метро «Профсоюзная». У входа его уже ожидал Гольдшмидт. Хитро улыбнувшись, Моисей сообщил, что самому ему заняться этим делом некогда, хотя дело это перспективное и денежное. Зная его, Василий нисколько в том не сомневался. Сомнение вызывало лишь бескорыстие друга, который никогда и ничего не делал просто так.

Они поднялись на третий этаж и вошли в приемную генерального директора ООО «Третий Рим Трейдинг», где помимо молодой симпатичной секретарши находились еще двое мужчин. Одному из них, который и оказался Федором Минком, на вид было лет пятьдесят. Высокого роста, примерно метр девяносто, комплекция бывшего борца. Густые светло-русые волосы аккуратно причесаны и уложены. На широком лице под кустистыми бровями глубоко посаженые, небольшие зеленые глаза. Взгляд внимательный, изучающий. Толстый с горбинкой нос, круглые щеки, маленький рот с тонкими, плотно сжатыми губами, волевой подбородок с характерной ямочкой посередине. На нем был деловой костюм с рубашкой, расстегнутой на три верхних пуговицы. Минк выглядел радушным и приветливым, однако по его глазам и манере держаться Василию стало ясно, что это человек властный и волевой.

Его спутнику на вид было под семьдесят. Ростом он был чуть ниже Минка, плотно сложен, седовлас. Лицо широкое, немного вогнутое. Под густыми черными бровями большие миндалевидные глаза. Длинный прямой нос, небольшой рот с тонкими губами, волевой подбородок. На нем, как влитой, сидел отличный черный костюм-тройка с отливом, из нагрудного левого кармана франтовато выглядывал атласный синий платок. Темно-фиолетовую фирменную рубашку прикрывал новомодный галстук с золотой заколкой. Это был известный адвокат, Александр Яковлевич Маковский.

Представившись сам и представив Кравчуку своего собеседника, Федор Петрович предложил пройти в его кабинет, который представлял собою помещение прямоугольной формы размером примерно десять на семь метров. В кабинете, оборудованном дорогой офисной мебелью, недавно был сделан качественный ремонт.

Отвлекшись на телефонный разговор, Федор Петрович предложил гостям присесть на расположенный у окна большой кожаный диван, рядом с которым располагался гостевой столик. На столике стояли чайные приборы, в вазочках лежали свежие спелые фрукты и печенье, а из двух фарфоровых чайников исходил аромат фруктового чая и свежемолотого кофе.

Василий и Моисей сели на диван, а Маковский, придвинув к столу стоящее неподалеку кожаное кресло, сел в него, оказавшись напротив Кравчука.

– Василий Ильич, – наливая себе в чашку чай, начал он, – Вы не возражаете, если я задам Вам несколько вопросов? – Он внимательно посмотрел на собеседника.

– Я Вас слушаю, – ответил Василий, и, чтобы не выдать своего волнения, потянулся за кофейником.

Дождавшись, пока он нальет себе кофе, Александр Яковлевич сказал:

– Мы с Федором Петровичем знаем, что Вы окончили прокурорско-следственный факультет Военного Университета. Как учились, если не секрет?

– Учился нормально. До красного диплома, конечно, не дотянул, на госэкзамене одну лишнюю четверку получил, но в общем, старался.

– А потом чем занимались, служили?

– Да, в военной прокуратуре. Сначала следователем в Астраханской области, потом в Севастополе, помощником военного прокурора. Закончил службу в 2002 году в подмосковном Алабино, уволился по болезни.

– А что случилось?

– Со зрением проблемы начались, – вздохнул Василий.

– Что, серьезные проблемы? Вы плохо видите?

– Да нет, все хорошо. – Поняв свою оплошность, Кравчук поспешил ее исправить. – Ношу жесткие линзы. Даже машину вожу нормально.

– Понятно.

Маковский внимательно наблюдал за собеседником, словно оценивая его на профпригодность.

– Квартиру-то хоть от родного ведомства получили? – поинтересовался он.

– Получил.

– Это хорошо. С паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок. – Александр Яковлевич зло усмехнулся, видимо, вспомнив о чем-то своем.

– Ну а, если не секрет, с личной жизнью как? Женаты? Дети есть?

Василий напрягся, что не ускользнуло от внимательного взгляда старого хитрого адвокатского лиса.

– Разведен. Сыну восемь лет. Квартиру-то получить успел, – вздохнул он, – да только вот пожить в ней не удалось. Жена ушла к другому, пришлось мне им с сыном и новым мужем квартиру оставить. Сам пока на съемной живу.

Маковский сочувственно кивнул головой.

– В адвокатуре давно?

– С февраля 2003 года.

– Ну, а в плане профессиональных побед похвастаться-то есть чем? Оправдательные приговоры были? Дела с вашим участием прекращали?

– Нет, оправдательных не было, – покачал головой Василий. – А вот дела прекращали. Одно даже в суде второй инстанции, – похвастался он. – Суд первой инстанции осудил, а кассация не только отменила обвинительный приговор, но и прекратила дело за отсутствием состава преступления в действиях моей подзащитной. Она работала таможенным инспектором и обвинялась в халатности…

В это время, закончив телефонный разговор, за стол присел Минк.

– Ну что, Василий Ильич, Вас Александр Яковлевич своими вопросами не замучил? – добродушно поинтересовался он.

– Да нет, – улыбнулся Кравчук, – я же понимаю – для того, чтобы доверить человеку защищать себя, нужно навести о нем справки. И получить эту информацию желательно от него самого.

– Вы правы.

– Ну что ж, Федор Петрович, я удовлетворил свое любопытство, – обратился к Минку Маковский. – Думаю, что Василий Ильич нам подойдет. По крайней мере, мне так кажется. Атам время покажет.

– Василий Ильич, можно я буду обращаться к Вам на «ты» и по имени?

Не дожидаясь его ответа, Маковский тут же продолжил: – Так, вот, Василий, я являюсь членом Совета Адвокатской Палаты Москвы и возглавляю свое собственное адвокатское бюро, «Маковский и партнеры». Поверь на слово, у меня достаточно серьезных клиентов. Но Федор Петрович, безусловно, является для меня не только одним из ключевых и самых уважаемых. Он для меня больше, чем клиент. Не знаю, как он, но лично я считаю его своим другом. – Он предупредительным жестом пресек порыв Минка что-то сказать.

– Так вот, Василий, – Маковский чуть помедлил, – я бы хотел, чтобы ты со всей ответственностью и серьезностью отнесся к выполнению своих обязанностей защитника по этому делу.

Александр Яковлевич поднялся и стал прохаживаться взад-вперед возле стола.

– Мы, – он посмотрел на Минка, – уже члены одной команды. И наша общая цель – победа! Я понимаю, звучит несколько пафосно, но это именно так. Ни меня, ни, тем более, Федора Петровича, не удовлетворит никакой иной результат по его делу, кроме оправдания, – он повторил с нажимом: – именно оправдания! Чтобы ты понимал, за какое дело берешься, скажу тебе только две цифры. Это дело длится уже десять лет и занимает 470 томов. Я уже не могу, как раньше, полностью посвящать ему все свое время. Поэтому нам с Федором Петровичем и понадобился специалист, который мог бы полностью сосредоточиться на нем. Я давно знаком с Моисеем, вернее, с его отцом, но это дела не меняет. А поскольку Моисей

рекомендовал нам именно тебя, у нас нет никаких оснований ему не доверять. Но есть одно «но», – Александр Яковлевич снова сел за столик и посмотрел Кравчуку в глаза, – заниматься этим делом ты будешь под моим началом и контролем. Сейчас ты войдешь в дело, изучишь его, приступишь в защите, но обо всех своих шагах, даже незначительных, будешь докладывать мне. Договорились?

Василий невесело усмехнулся. По правде говоря, такой расклад его не устраивал. Он всегда работал со своими клиентами напрямую и так, как решит сам. А посредники, если они и были, получив от него свой процент за рекомендацию, мгновенно исчезали, оставляя творческий процесс защиты на его усмотрение. Но здесь, видимо, был совсем другой случай. Отказаться отдела такого масштаба он не мог. Поэтому, поразмыслив, он невесело выдавил:

– Хорошо, договорились.

Моисей, видя, что беседа принимает затяжной характер, стал аккуратно переводить разговор на тему оплаты услуг Кравчука. Услышав предложение Минка о гонораре, Василий хотел было с достоинством согласиться, но Моисей не был бы Моисеем, если бы не приложил все свои силы и умение убеждать для того, чтобы «несколько увеличить оплату услуг защитника ввиду предстоящих серьезных временных затрат, а также издержек как материального, так и морального характера…»

Он мог бы еще долго упражняться в умении убеждать и демонстрировать талант переговорщика, если бы Минк не перебил его и не увеличил гонорар сразу в два раза. Видя, что дело, ради которого он и прибыл, сделано, Моисей откланялся. Через некоторое время, оформив соглашение с Минком и получив внушительный аванс, здание «Третьего Рима» покинул и Василий.

Всю дорогу домой он перебирал в памяти прошедшую встречу. Судя по тому, что удалось узнать, в исходе его нового дела были заинтересованы некоторые весьма влиятельные люди. Сказать, что у Федора Петровича было множество врагов – значило не сказать ничего. Но, пожалуй, двумя его самыми главными врагами являлись его бывший бизнес-партнер, Александр Иванович Мыльников, и губернатор Северовской области Андрей Григорьевич Смирнов…

– Встать, суд идет! – Василий посмотрел на часы, было ровно десять часов утра. Заседание по делу Минка в Зюзинском районном суде Москвы началось без опозданий.

На месте председательствующего была судья Спицына – ничем не примечательная круглолицая блондинка лет сорока в черной судейской мантии. Сторона обвинения была представлена тремя государственными обвинителями, потерпевшим и его адвокатом.

Кравчук с интересом разглядывал потерпевшего, Мыльникова. Это был с иголочки одетый, высокий худощавый мужчина с усами, лет сорока, с длинными черными крашеными волосами, которые на концах превращались в смешные завитушки, как будто бы их завили при помощи бигуди. Он чем-то напомнил Василию мушкетера из старых советских фильмов. Однако, когда Мыльникову было предоставлено слово, то это чувство у Василия улетучилось. Уж слишком явно диссонировали «мушкетерская» внешность и елейный голос потерпевшего с его ледяными глазами матерого хищника. Перед Кравчуком стоял умный и хитрый противник – волк в овечьей шкуре.

Судья объявила, что в деле произошла замена защитника подсудимого, и она вынуждена отложить судебное разбирательство на две недели для того, чтобы новый адвокат смог ознакомиться с материалами дела.

– Простите, Ваша Честь, но мне нужно гораздо больше времени… – начал было Кравчук. Но судья его перебила:

– Обойдетесь, господин защитник, у меня тоже сроки не резиновые, придется читать быстрее.

– Но дело состоит из 470 томов, и даже если я буду читать его по тому в час без перерывов и выходных, то…

– Ничем не могу Вам помочь. То, с чем не успеете ознакомиться к следующему судебному заседанию, прочтете по ходу дела. Мы ведь не завтра его слушать закончим…

И действительно, чем тут возразишь? Ну не век же слушать это дело.

Выйдя из зала суда и расставшись с Минком, Кравчук направился в канцелярию по уголовным делам.

Поднимаясь по лестнице, Василий вдруг поймал себя на мысли, что он не знает, как будет знакомиться с таким объемным делом. Интересно, а как его читал прокурор? Каким образом оно доставлялось в суд? Как, в конце концов, его слушает судья? Сколько берет томов на то или иное заседание, чем руководствуется, отдавая предпочтение одному перед другими?

Василий довольно быстро нашел общий язык с работницами канцелярии, поскольку обладал привлекательной внешностью и хорошим чувством юмора. Высокий, стройный, атлетически сложенный тридцатичетырехлетний шатен с правильными чертами лица, которое, впрочем, совсем немного, портил перебитый в юности нос, выдающий в своем хозяине бывшего боксера. И одеваться он любил хорошо, и одеколон у него не абы какой, а настоящий французский, в парикмахерской бывает, опять же, строго раз в три недели. В общем, все у него тип-топ. Денег бы еще побольше. Ну, да ладно…

Он попросил принести ему с каждой сотни по три первых тома, а также три последних. Впрочем, оказалось, что последние тома находились у судьи.

Обычно адвокаты начинают знакомиться с делом с обвинительного заключения, которое утверждает прокурор перед направлением дела в суд. Оно всегда находится в последнем томе. Но ввиду отсутствия такового, Василий просто стал пролистывать все имеющиеся в его распоряжении материалы, начав с самого начала.

Конечно, дело можно было сфотографировать, но Кравчук был против этой процедуры. Как бывший следователь, он относился к каждому делу почти как к живому организму. Казалось бы, ну что такое дело? Пачка сшитых и пронумерованных листов. Но нет. Совокупность листов, становясь томом уголовного дела, наделялась чуть ли не магическими свойствами. Уж он-то, знал это точно.

Дело жило своей жизнью, Прежде, чем попасть на стол к прокурору, оно «оживало» – после того, как с ним знакомились злодей и его защитник, Какие-то нужные материалы исчезали из него навсегда, превращаясь в «ненужные».

После прокурор давал нагоняй следователю, которому дело уже формально не принадлежало, но реально находилось у него, тот приезжал в следственный изолятор. Там он в нужном свете еще раз допрашивал обвиняемого, переписывая материалы, которые можно было переписать. Делал он это аккуратно, так, чтобы его нельзя было уличить в фальсификации.

Далее он вызывал свидетелей, давал им на подпись их новые показания, которые, впрочем, если и отличались от прежних, то уж точно "самую малость". Порой следователю приходилось рисковать, подделывая кое-где подписи адвоката, а иногда и с бледным видом самому давать показания в суде, объясняя, почему это по версии адвоката дело содержало одни материалы, а в суд они пришли в несколько ином виде.

Но все это удавалось проворачивать гораздо менее хлопотно, если в деле в качестве защитника участвовал кто-нибудь знакомый. Это мог быть и бывший сослуживец, и просто «нормальный чудила», который, будучи наделенным статусом адвоката, не хотел ссориться со следователем, а желал еще в будущем поработать с ним на ниве взаимного материального интереса.

Таких, с позволения сказать, адвокатов, Кравчук считал предателями профессии. В адвокатской корпорации их называли «карманными».

Любой адвокат, специализирующийся на ведении уголовных дел, всегда становился перед выбором: либо по-настоящему защищать своих клиентов, рискуя заиметь во врагах представителей правоохранительных органов и судов, или же устроиться «карманным адвокатом» при каком-нибудь следственном органе. В последнем случае требовалось лишь безропотно исполнять приказы следователей и их начальства. Как правило, адвокат вступал в дело в качестве бесплатного защитника, предоставленного государством. Далее, убеждая своего подзащитного или его родню, он при поддержке следователя становился уже защитником по соглашению. Разумеется, не бесплатно.

Естественно, что о полноценной защите человека при таком раскладе не могло быть и речи. Гонорар такого адвоката, назначаемый порой самим следователем, делился между ними в заранее оговоренной пропорции. Адвокат же был обязан «плясать под дудку» следователя, закрывая глаза на многочисленные нарушения, а порой и заставляя клиента признать то, что тот ранее не признавал, а нередко – и не совершал.

Зато такому адвокату не нужно было тратить энергию, деньги и время на добросовестный поиск клиентуры и честную конкуренцию с коллегами. К его услугам был конвейер дел, которые вели его друзья-«следаки», давая наводку на то или иное «вкусное и интересное» дело…

К окончанию рабочего дня Василий уже точно знал, что дело Минка ему полностью не изучить. И дело было даже не в том, что оно было беспрецедентным по своему объему. Он просто понял: следствие, вводя в заблуждение и защиту, и суд, постоянно манипулировало материалами, копируя и подшивая в одни тома материалы других. Частично, а порой и полностью дублировало те или иные документы, и даже целые тома. А еще он понял, что целиком оно никем прочитано, а тем более изучено, не было.

Следующие две недели он только убеждался в своей правоте. Каждый будний день Василий приезжал в суд к началу рабочего дня, а уезжал к концу. Иногда после этого он заезжал к Минку, чтобы обсудить с ним те или иные обстоятельства.

Федор Петрович обвинялся в мошенничестве и вымогательстве у Мыльникова денег в особо крупных размерах, на сумму в рублях, превышавшую шесть миллионов долларов…

Суббота, 11 июля 2009 года.

Его воспоминания прервал телефонный звонок. Нажав кнопку приема, Василий услышал:

– Василий Ильич, добрый день! Следователь следственного отдела СКП по ЗАО Борисенко Степан Юрьевич.

– Да, здравствуйте, слушаю Вас.

– Василий Ильич, Вы уже слышали об убийстве Минка?

– Да, слышал.

– Мне нужно Вас допросить.

– Хорошо, когда и куда мне подъехать?

– А давайте, если не заняты, прямо сейчас. Записывайте адрес…

Расплатившись с таксистом, Василий подошел ко входу в здание, где находился следственный комитет. Оно располагалось в первой линии домов от оживленного Кутузовского проспекта. Было 11 часов дня, но уже стоял нестерпимый зной. И зачем он надел деловой костюм? Пусть он легкий, летний, а все равно жарко, солнце парит нещадно. Если бы не свежий ветерок, было бы вообще туго. Подташнивало – сказывались последствия вчерашнего возлияния. Во рту пересохло. Как же он мог забыть купить воды? А вокруг, как назло, ни намека на продажу живительной влаги; кроме кафе «Шоколадница», куда заходить не хотелось, Ладно, он перетерпит.

На третьем этаже, куда Василия поднял лифт, было многолюдно. Массовку в основном создавали журналисты и операторы средств массовой информации.

Однако ему повезло, у кабинета Борисенко никого не было. Постучавшись, Василий зашел внутрь. Обычный кабинет, рассчитанный на двух человек. Впереди, у окна – два стола, стоящих впритык друг к другу. Слева и справа рабочие места следователей. Слева от входа старый продавленный диван, напротив него шкаф дореволюционных времен. Обычная казенная обстановка. По кабинету, разговаривая по мобильному телефону, расхаживал молодой парень лет 27-ми. Он был высок, худощав, одет в рубашку с коротким рукавом и джинсы.

Отвлекшись от разговора с невидимым собеседником, хозяин кабинета поинтересовался у Василия, кто он, после чего, предложив присесть за стол, продолжил разговор: – Давай быстрее говори! Ко мне тут человек на допрос пришел…Что? Ага, понял. Понял тебя, говорю!…

Закончив разговор спустя несколько минут, следователь сел в свое кресло. Паспорт Кравчука лег к нему на стол, а пальцы рук с завидной быстротой забегали по клавиатуре, вбивая в протокол допроса установочные данные Василия. Тот взял ручку и расписался в протоколе под абзацем, в котором следователь предупреждал его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Вернув ручку на место, он поймал на себе внимательный, изучающий взгляд Борисенко.

– Понимаю, – посочувствовал Василию следователь, – самому с бодуна хреново всегда. Может, холодненькой водички, а, Василий Ильич?

– Не откажусь, – оживился Кравчук.

Жадно опустошив холодную поллитровку «Аква Минерале» и почувствовав некоторое улучшение самочувствия, он поблагодарил своего «спасителя», заодно предложив тому перейти на «ты».

– Ну вот, совсем другое дело! – Степан улыбнулся. Похоже, ему действительно было приятно оттого, что благодаря его усилиям новому знакомому стало легче. Ну что же, психологический контакт налажен. Можно начинать допрос.

Отвечая на вопросы следователя, Василий вспоминал, что случилось позавчера, в четверг.

…Прения и последнее слово подсудимого прошли десять дней назад. Тогда же судья удалилась для постановления приговора. На сегодня было назначено его провозглашение.

В зале судебных заседаний, помимо Василия, Минка, Мыльникова с его адвокатом и прокурора, присутствовали также представители прессы и телевидения. Сразу же после того, как судья начала провозглашать приговор, стало ясно, что он будет оправдательным. Мыльников, не скрывая своего разочарования, явственно отобразившегося на его лице, и не дожидаясь, пока судья закончит, демонстративно покинул здание суда.

Ближе к вечеру приговор был провозглашен. Федор Петрович, не скрывая радости, раздавал интервью, в которых говорил о том, что победило подлинное правосудие. Не скупился он и на похвалу в адрес своего защитника, адвоката Кравчука. Ну и, конечно, пообещал журналистам наказать истинного преступника, Мыльникова, заявив, что обязательно добьется его уголовного преследования и возвращения всех похищенных у него активов…

Разумеется, Василий тоже не преминул воспользоваться представившейся возможностью для пиара и побеседовал с журналистами «Коммерсанта», «Ведомостей» и «РБК».

После интервью Федор Петрович предложил:

– Василий, ты давай-ка сегодня отдыхай, а завтра вечером к восьми подъезжай в ресторан «У Дяди Гены», около метро «Киевская». Знаешь, где это?

Василий кивнул. Он знал этот ресторан. Это было очень дорогое и пафосное заведение, поужинать в котором, а уж, тем более, закатить вечеринку, было по силам далеко не каждому.

– Хорошо, Федор Петрович, я приеду, – улыбнулся он.

Василий не хотел напоминать Минку о том, что за оправдание ему полагается солидная премия. Лучше он сделает это завтра. Но Федор Петрович сам вспомнил об этом.

– Василий, давай так. Завтра же я и переведу на твой счет в коллегии адвокатов твои три миллиона. Договорились?

Конечно же, он был только «за»…

Пятница, 10 июля 2009 года.

Понимая, что без выпивки сегодня не обойдется, Кравчук подъехал к ресторану на такси. На парковке стояли в основном очень дорогие иномарки представительского класса.

Ресторан «У Дяди Гены» находился на улице Дорогомиловской и размещался в отдельно стоящем двухэтажном особняке. От парковки через аккуратные газоны к нему вела мощеная мраморной плиткой аллея, упиравшаяся в крыльцо со множеством ступеней.

На первом этаже располагались три зала, каждый из которых был рассчитан на 120 персон. На втором, где, собственно, и намечалась вечеринка, находился всего один зал на тридцать персон с восхитительным видом на Москву-реку. Несмотря на «новодел», здесь по-настоящему чувствовалась атмосфера старины, благодаря отделке из темного дуба и свечам. Посторонних звуков, которые могли бы доноситься снизу, здесь слышно не было.

– Добрый вечер! – услышал Василий приятный женский голос. Он увидел симпатичную брюнетку лет двадцати пяти. Стиль ее одежды, наверное, можно было бы назвать деловым, если бы не слишком короткая юбка. Длинные и стройные ноги, туфли на высоком каблуке. – Этот зал сегодня заказан. Вы в числе приглашенных?

– Да.

Василий попытался сосредоточить взгляд выше ее груди, но из этого ничего не вышло. Глаза все время скользили вниз, на нижний срез мини-юбки и дальше – на прелестные девичьи ножки.

Заметив это, девушка, видимо, привыкшая к подобному мужскому косоглазию, улыбнулась.

– Давайте я Вас проведу, – предупредительно предложила она.

– Давайте, – улыбнувшись в ответ, согласился Василий и последовал за ней. Он был в прекрасном настроении. Если честно, он до последнего не был уверен в том, что приговор Минку будет оправдательным. Однако факт остается фактом – они победили, и сегодня он на коне.

Посреди банкетного зала буквой «П» были установлены столы, рассчитанные на двадцать пять персон. Видимо, Федор Петрович решил отметить и свое оправдание и пятидесятилетний юбилей, который у него был как раз сегодня, в узком кругу своих родных и близких друзей. Впрочем, зная широкую натуру Минка, Кравчук нисколько не сомневался, что тот обязательно закатит по этому поводу пир на весь мир. Большая часть мест была уже занята. Во главе стола сидели Федор Петрович с красавицей женой, Мариной, и его брат Степан с супругой. Пятое место пустовало. Оно предназначалось Кравчуку.

– Василий, – увидев его, призывно махнул рукой Минк, – садитесь сюда, – и указал на пустующее рядом место.

Поблагодарив официантку, Василий сел и огляделся. Справа от него сидели виновник торжества, его жена, брат и его супруга. По бокам и в центре стола – восемь пар гостей. Некоторых он не знал вовсе, с некоторыми был знаком шапочно. Его коллеги, адвоката Маковского не было. «Наверное, опаздывает» – подумал Василий. И точно, через несколько минут

после его появления в зале прибыл и Александр Яковлевич, заняв пустующее рядом с Василием место.

Праздник начался. После нескольких тостов, поднятых гостями за Минка, Федор Петрович предложил выпить и за своего адвоката, Василия Ильича Кравчука, без которого, по его глубокому убеждению, этот праздник мог бы и не состояться. Василий был польщен и смущен одновременно. Дифирамбы в свой адрес ему доводилось слышать нечасто, тем более от столь уважаемых людей. Встав, он сказал, что просто исполнял свой адвокатский долг, и к тому же ему активно помогал присутствующий здесь Александр Яковлевич Маковский, Но Минк сказал:

– За тебя, мой дорогой, этот тост только за тебя!

Вскоре появились музыканты и стали готовиться к выступлению, проверяя оборудование на сцене перед столом.

Василий пил «Хеннесси». Этот коньяк ему очень понравился – вкус насыщенный, глубокий. И пьянит незаметно, мягко, приятно согревая кровь. Несмотря на большое количество разносолов на столе, он предпочитал простые блюда, налегая, в основном, на прекрасно приготовленные салаты «Цезарь» и «Оливье», а также на рыбу в кляре.

Где-то в половине одиннадцатого на сцену вышла жена Минка – скрипачка Марина Светлова. Под музыкальный аккомпанемент, записанный на диске, она виртуозно сыграла на электроскрипке «Полет шмеля», «Душу» и «Аве Мария», чем привела публику в полный восторг.

Сразу после этого начались танцы. Василий танцевал три раза. Сначала со Светловой, а потом попеременно с двумя женщинами, одна из которых была женой присутствовавшего здесь директора известной московской ритейловой компании, а вторая – спутницей бизнес-партнера Федора Минка.

В общем, все было, как это обычно бывает на юбилеях и корпоративах. Если бы не одно «но». В разгар вечеринки Марине Светловой вдруг стало плохо. Она несколько раз выходила в туалет. В конце концов, извинившись перед гостями и сославшись на плохое самочувствие, она в сопровождении мужа ушла. Через некоторое время проводивший ее до машины Минк вернулся и как не в чем ни бывало предложил гостям продолжить праздник.

Василий довольно сильно захмелел. С непривычки он перебрал, но вел себя в рамках приличия, понимая, что публика здесь серьезная, и вполне возможно, после его вчерашнего триумфа эти люди к нему еще обратятся. Впрочем, он никогда не позволял себе ничего лишнего даже в компаниях друзей.

Он смутно помнил, как разговаривал со Степаном Минком, как потом прощался с Федором, садясь в такси.

– Федор Петрович, спасибо Вам за приглашение, вечер был просто превосходным! – еле шевеля языком, поблагодарил он.

– До завтра, Василий. Как проснешься – позвони, мне нужно с тобой посоветоваться по одному вопросу, – ответил Минк.

Он не знал, что завтра для него уже никогда не наступит.

* * *

Прочитав протокол своего допроса, Кравчук расписался за свои показания. В этот момент в кабинет вошел начальник следственной части.

– Степан, – обратился он к следователю, – когда освободишься? Для тебя есть работа.

Начслед на вид был ровесником Василия. Высокого роста, лысый, широкоплечий, с крупными чертами лица. Взгляд суровый, глотка луженая. Василию показалось, что он уже встречался где-то с этим человеком. Точно, да это же его однокурсник, Леха Береговой.

– Вот так встреча, – узнав его первым, удивленно воскликнул Береговой, – здорово!

– Здорово, здорово, – пожимая ему руку, сказал Василий.

– Прикинь, Степ, как бывает, – улыбнулся подчиненному Береговой, – заходишь в кабинет к своему следователю, и на тебе – встречаешься со своим однокурсником.

– А тебя чего в адвокатуру-то потянуло? За бабками большими?

– Долго рассказывать, – отмахнулся Кравчук.

– Ну все, ты его допросил? – спросил Береговой следователя, и получив утвердительный ответ, обратился к Василию:

– Пойдем ко мне, посидим, пообщаемся.

Выйдя в коридор, Кравчук подождал, пока Береговой даст указания Борисенко.

– Ну, заходи, устраивайся, – предложил хозяин, едва они зашли в кабинет. Показал на небольшой диванчику стены, а сам опустился в стоящее рядом кресло. – Что-то парит сегодня. Ты чего это так неважнецки выглядишь, бухал, что ли, вчера?

– Ага, – буркнул в ответ погруженный в себя Василий, вытирая со лба проступивший пот.

– Чего пил-то хоть?

– Коньяк. Хороший, французский.

– Видно, перебрал малеха, но ничего, я тебя сейчас похмелю. – Алексей достал из сейфа бутылку «Камю». – На что только не пойдешь ради друга, – распечатывая коньяк, сказал он.

Подойдя к шкафчику в углу кабинета, Береговой открыл его стеклянные створки и достал два небольших фужера. После этого извлек из холодильника нарезанный дольками лимон и бутылку минералки «Перрье».

Разлив по фужерам янтарную с золотистым отблеском жидкость, Алексей сказал:

– Ну, давай за встречу, по маленькой, а то мне еще работать.

Чокнувшись, они выпили. На столе зазвонил телефон и Береговой стал докладывать кому-то из начальства, что было сделано по делу об убийстве Минка.

Изысканный напиток с оттенками лесных орехов, миндаля, и ароматом с нотками древесины и сухофруктов мягко проник в организм Василия, расширяя кровеносные сосуды – стало намного лучше.

Алексей, закончив телефонный разговор, озабоченно посмотрел на друга:

– Вась, слушай, без обид. Мне тут работы подвалило – выше крыши. Вот тебе моя визитка, – он передал Кравчуку кусок картона с золотым тиснением. – Звякни завтра, с утречка, только не очень рано, отоспаться надо. Мы с тобой встретимся, посидим где-нибудь, пообщаемся. Хорошо?

– Окей. Спасибо тебе за угощение, очень кстати. – Василий, наполнив напоследок свой фужер минералкой, тремя большими жадными глотками его осушил. – Ну, покеда, я завтра наберу, – и, пожав на прощание руку товарища, вышел из кабинета.

Он направился по коридору, к выходу с этажа, и в этот момент его окликнули.

– Василий Ильич! – Он обернулся и увидел Степана Петровича Минка. Как же он похож на своего покойного брата. Только ростом пониже и немного стройнее. Во всем остальном внешность совпадала. Ну, еще, может быть, характером мягче покойного был Степан Петрович. И голос не такой зычный, и взгляд не такой жесткий…

Василий остановился и подождал, пока Минк-старший подойдет к нему. Они пожали друг другу руки.

– Здравствуйте, Степан Петрович, – Василий старался говорить как можно деликатнее, – мои соболезнования…

– Вас тоже вызвали по этому поводу? Допрашивали? – голос Минка был тверд, и только в глазах читалась глубокая скорбь по единственному брату.

– Да, вызывали вот, допрашивали, – сочувственно вздохнул Василий.

– А в кабинете начальника следственной части, если не секрет, что делали?

– Так получилось, что начальник – мой однокурсник. Я сам только что узнал. Встретились, поговорили, вспомнили былое. Береговой назначен руководителем следственной группы по этому делу…

Василий не хотел лишний раз травмировать брата своего покойного подзащитного и поэтому не стал говорить «по факту убийства Вашего брата».

– Вот что, – Минк жестом предложил Василию двигаться в сторону выхода, – Вы уже закончили?

– Да, на сегодня я свободен.

– Тогда у меня есть к вам предложение. Поедем сейчас ко мне домой, есть разговор. Заодно помянем братишку. Вы как?

От него веяло такой душевной болью и безутешной скорбью, что Василий не решился отказаться. К тому же, он был заинтригован – о чем с ним хочет поговорить далеко не последний человек в бизнес-кругах Москвы.

– Я согласен.

* * *

На небе ни облачка. Раскаленное солнце плавит асфальт. Жара. Хоть бы ветерок подул, что ли. Или дождь полил. Но нет. Испарения, смешанные с отработанными автомобильными газами, проникали в дыхательную систему, оседали в легких. К горлу подступала тошнота, болело в затылке, в ногах слабость. А парило все сильнее и сильнее.

Подойдя со Степаном Петровичем к новому черному представительскому «Мерседесу», Василий вместе с ним сел на заднее сиденье. Салон автомобиля встретил спасительной прохладой. Помимо него и Минка, в салоне впереди сидели водитель и охранник.

Кравчук постепенно приходил в себя от жары. Так, как он сейчас, наверное, чувствует себя выброшенная на берег рыба, волею судьбы оказавшаяся снова в родной стихии.

Машина тронулась. Всю дорогу до дома Минка, который находился на Новом Арбате, они ехали молча. Пробок не было и уже через десять минут их «Мерседес» парковался на закрытой территории около шестиэтажного дома из красного кирпича, недалеко от Московского дома книги. Этот жилой дом был построен еще в начале прошлого века, но не так давно переоборудован по последнему слову архитектурно-дизайнерской мысли.

В само здание вел центральный вход на две секции, каждая из которых была оборудована внешним лифтом с панорамным остеклением. Они поднялись на последний, шестой, этаж и оказались в большом холле, пол которого был выложен светлой мраморной плиткой. Два огромных напротив лифта, метрах в десяти, открывали прекрасный вид на Москву. В правом углу холла стоял диван из красной кожи, по обе стороны от него – две большие напольные фаянсовые вазы с какими-то пышными растениями. Приятно пахло полевыми цветами.

Повернув от лифта налево, они оказались в небольшом коридорчике, который упирался в громадное – от пола до потолка – окно. Слева и справа располагались двери в квартиры, одна из которых принадлежала Степану Минку.

Квартира была одноуровневая и довольно большая. Василий успел отметить две спальни, гостиную, тренажерный зал и небольшой бассейн. Обставлена она была очень дорогой, изысканной мебелью, и оборудована всеми видами домашней техники.

Они прошли в кухню-студию. Дома никого, кроме них, не было.

– Василий, располагайтесь. Я сейчас переоденусь и вернусь. – Степан Петрович включил систему кондиционирования и вышел.

Минут через пять он вернулся.

– Домработницу я сегодня отпустил, жена на работу поехала зачем-то. Всю ночь со мною проваландалась. Дети живут со своими семьями. Мы здесь одни. Так что не стесняйтесь, – если хотите принять душ или искупаться в бассейне – милости прошу!

– В бассейн я, конечно, не полезу, а вот от душа не откажусь, – благодарно посмотрел на него Василий.

– Душевая кабина в ванной, при выходе отсюда направо, – объяснил хозяин, – банное полотенце и тапочки я там для Вас положил. С остальным, надеюсь, сами разберетесь. А я пока стол немного накрою. Помянуть брата надо…

Приняв контрастный душ, Василий почувствовал себя заново родившимся. На кухне уже был сервирован стол, в рюмках – ледяная водка. Степан Петрович предложил помянуть брата. Не чокаясь, выпили.

– Знаете, Василий, – Минк опустил глаза, его голос дрогнул, – я только сегодня ночью понял, кем на самом деле для меня был брат. – Он поднял глаза, в них стояли слезы. – Я бы все отдал, чтобы он сейчас был жив! Слышите? Все! – По его щекам предательски потекли слезы. – Если Вы, Василий, когда-нибудь теряли близких людей, то Вы меня поймете. Это нестерпимо больно. Мы вот строим планы на будущее, планируем карьеру, кладем жизнь на то, чтобы добиться материального достатка и положения в обществе… А тут раз – и нет человека, родного и единственного человека. И все, что вокруг, уже становится неважным, не имеющим значения. Понимаете?

Кравчук, тяжело вздохнув, кивнул.

– Вы мне верите? – продолжал Степан Петрович. – Я бы сейчас все, что нажил, отдал бы за то, чтобы уберечь брата. Все.

Понемногу он взял себя в руки: – Василий, я вижу, что Вы настоящий. Есть в Вас Божья искорка! Честно скажу, не знаю, с чего я это взял. Я Вас вижу-то сегодня второй раз в жизни, но я редко ошибаюсь в людях. Нет в Вас этой эрозии человеческой, гнили, что ли. И поэтому я хочу попросить, чтобы Вы нашли мне убийцу. Теперь это самое главное в моей жизни – найти и покарать убийцу брата! Я не хочу нанимать частных детективов, платить следователям, которые ведут это дело. Я верю Вам и только Вам…

– Степан Петрович, – осторожно перебил его Василий, – я бы с радостью. Но ведь я адвокат. Конечно, я раньше работал следователем, вел уголовные дела. Но одно дело перебирать бумажки и давать поручения дознавателям и сотрудникам уголовного розыска, а совсем другое искать самому. Я ведь не опер, специальными знаниями не обладаю. И агентуры среди уголовников у меня нет.

– Зато Ваш друг руководит следствием. И не надо принижать своих достоинств. Добиться оправдания по такому сложному делу, как дело моего покойного брата, может далеко не каждый. А Вы, Василий, смогли.

Минк посмотрел ему в глаза.

– Скажите, а мой брат рассчитался с Вами за работу? Я имею в виду премию за выигрыш дела.

– Да, вчера Федор Петрович перевел на мой счет всю оговоренную сумму.

– Так вот, Василий, я обещаю, что если Вы найдете убийцу моего брата, я выплачу Вам миллион долларов. Как Вам такой расклад? – Минк сверлил его взглядом. Казалось, он боялся, что Кравчук ему откажет.

Но Василий не отказал: – Давайте поступим так: я возьмусь за поиски убийцы, но не из-за денег, а из-за очень большого уважения и симпатии к покойному и лично к Вам. Обещать ничего не могу, но я приложу все силы для того, чтобы найти этого человека. Однако мне понадобится и ваша помощь. Для начала я бы хотел получить от Вас кое-какую информацию. Делом Вашего брата я занимался год и поэтому Федор Петрович многое мне рассказывал.

Но для того, чтобы у меня сложилась полная картина, расскажите о Вас с братом все, что посчитаете нужным.

– Хорошо, тогда слушайте…

Глава вторая

Федор Минк родился в июле 1959 года в городе Новокузьминске Северовской области, одном из крупнейших металлургических и угледобывающих центров страны. Отец Федора, Петр Вильгельмович Минк, был поволжским немцем, чья семья до войны проживала в городе Энгельс Саратовской области.

В начале августа 1941 года недалеко от Энгельса фашисты сбросили десант, и ночью поволжские немцы укрыли парашютистов на чердаках и в погребах своих домов. Впоследствии оказалось, что так Сталин проверял благонадежность поволжских немцев, а десантники оказались не кем иным, как сотрудниками НКВД. После этого, 28 августа 1941 года, Президиумом Верховного Совета СССР был издан указ, согласно которому все немецкое население, проживавшее в районах Поволжья, было депортировано в Сибирь и Среднюю Азию.

Так Петр Минк оказался в Новокузьминске, где стал рабочим на одном из металлургических заводов. Мать Федора, Елизавета Сергеевна, была русской, В октябре 1941 года, когда была угроза захвата гитлеровцами Москвы, ее вместе с матерью эвакуировали в Новокузьминск, где она и осталась, трудясь на одном заводе с будущим мужем, Отец ее пропал без вести, два брата погибли на фронте, а их дом на окраине Москвы разбомбили фашисты.

В 1955 году у четы Минк родился первенец, Степан, а через четыре года на свет появился Федор. С самого раннего детства он во всем и всегда стремился быть главным. В любом коллективе, будь то школа, военное училище или место службы, Федор ставил себя так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в этом. Естественно, не всем это нравилось.

Поначалу, в школе, когда его физические кондиции еще не поспевали за характером, Федя бывал частенько бит. И старшеклассниками, и своими. Он рано понял, какую роль в жизни мужчины играет сила, и всерьез увлекся спортом. Сначала это были лыжи, потом бокс. Нельзя сказать, что Федор подавал олимпийские надежды, но он был из разряда людей, которые обладали несгибаемой волей к победе и феноменальной работоспособностью. Недостаточность усилий была его навязчивой идеей, причем во всем: и в спорте, и в учебе.

Еще Федор был по своей натуре реваншистом. Если вдруг в уличной драке он уступал кому-то более сильному, то истово тренировался и через какое-то время снова приглашал к поединку своего обидчика, который, как правило, почивал на лаврах. Избивая, Федор заставлял своего обидчика просить прощения. Если же это не удавалось и противник опять брал верх, Минк-младший, тренируясь до изнеможения, мог вызывать того на бой до бесконечности, пока не побеждал. Также было и с учебой. Получив низкую оценку, он буквально преследовал учителя, стараясь доказать, что то была досадная случайность, и рано или поздно ему удавалось оценку исправить.

Несмотря на то, что Федор к пятнадцати годам был лучшим учеником в классе и имел спортивное звание кандидата в мастера спорта по боксу, ему все время казалось, что соперники дышат ему в затылок. Стоит ему чуть расслабиться – и его сразу «съедят». Но как это ни странно – Федор буквально страдал, если рядом не было сильного конкурента. Когда же достойный соперник появлялся, он был счастлив, что наконец опять представится возможность доказать, что он лучший. Многие его боялись и ненавидели, но были и те, для кого Федор являлся примером.

Окончив школу с золотой медалью, он поступил в Новосибирское училище МВД, которое окончил с красным дипломом. Став офицером, Федор был направлен для прохождения службы в конвойный полк, дислоцировавшийся в Северове. Летом 1992 года он уволился по собственному желанию с должности командира батальона охраны, в звании майора.

Его старший брат, Степан, окончив Московский институт нефти и газа и отслужив срочную службу в армии, с 1979-го по 1987-ой работал на Крайнем Севере, в нефтедобыче. В 1987 году, когда в стране повеяло переменами, Степан поехал в ФРГ, чтобы продолжить обучение и получить степень магистра делового администрирования. Учась в известном университете, он смог устроиться на работу по специальности в нефтяную корпорацию «Шелл». Уже к 1992 году, проявив недюжинные способности и служебное рвение, он стал одним из директоров этой компании по России и странам СНГ.

Осенью 1992 гола Степан приехал в отпуск в родной Новокузьминск, Он предложил брату создать совместное российско-германское предприятие и торговать по всей Сибири импортными продуктами питания и предметами первой необходимости.

Дав согласие и получив от Степана круглую сумму в качестве первоначального капитала, Федор организовал в Северове СП «Регион-Север» и стал его генеральным директором.

На первых порах это совместное предприятие занималось тем, что получало из Германии на реализацию продукты питания, бытовой химии и медикаменты с отсрочкой платежа. Затем товар продавался оптом, а на вырученные деньги закупались древесина, уголь и металл, которые направлялись в Германию в счет оплаты ранее поставленного товара. Подобные схемы были весьма распространены в те годы и приносили хорошую прибыль. Насыщая родную область товарами народного потребления, Федор на одном из совещаний познакомился с ее губернатором, Алексеем Кисловским, с которым у него сложились дружеские отношения.

К началу 1995 года, заработав первые большие деньги и наладив деловые связи по всей Сибири и на Урале, Федор получил предложение от Кисловского создать фонд поддержки Президента России и самому баллотироваться в депутаты Законодательного Собрания региона.

Фонд был организован и активно заработал. Он был создан очень своевременно, поскольку летом 1996 года проходили выборы Президента России, и не в последнюю очередь благодаря деятельности фонда большая часть населения Северовской области все же отдала свои голоса в поддержку Бориса Ельцина.

А весной 1996 года Федор Петрович получил мандат народного избранника областного Законодательного Собрания. Войдя во вкус законотворческой деятельности, с присущей ему энергией, он депутатским статусом довольствоваться не стал. С согласия губернатора Минк решил стать спикером. Для этого он за короткое время сплотил вокруг себя влиятельную прогубернаторскую депутатскую группу.

Деятельная натура Федора Петровича позволяла ему трудиться на два фронта: заниматься политической деятельностью и расширять бизнес.

Он всерьез нацелился на Москву, где еще с 1994 года действовал филиал СП «Регион-Север». И действовал успешно. Но он уже давно подумывал организовать в столице полноценную компанию, а в кресло руководителя посадить проверенного человека.

В сентябре 1996 года, когда накал политических страстей немного поутих, он приехал в Москву. Незадолго до этого, в Северове, Федор Петрович на заседании своей депутатской группы спросил, есть ли у кого на примете в столице грамотный, и главное, честный человек, которому можно было бы доверить управление крупной бизнес структурой.

На следующий день ему позвонил один из депутатов и сообщил, что такой человек имеется. Это Александр Иванович Мыльников, коренной москвич. Мыльников был из бывших комсомольских работников, хороший руководитель, к тому же имеющий высшее экономическое образование и хорошо знающий, что такое бизнес.

В Москве Минк встретился с Мыльниковым и тот произвел на него благоприятное впечатление. Было видно, что это действительно грамотный и знающий свое дело человек. К

тому же, как понял Минк, у Мыльникова в Москве были хорошие связи, чего так недоставало самому Федору Петровичу.

Минк привез Мыльникова в офис филиала СП «Регион-Север», ввел в курс дела и объяснил специфику своего бизнеса. Решено было создать Общество с ограниченной ответственностью «Минк», в котором 90 % долей принадлежало самому Федору Петровичу, а 10 % – Александру Ивановичу. В октябре 1996 года Мыльников стал генеральным директором этого Общества.

Вернувшись в Северово, Минк перевел на счета вновь образованной московской фирмы десять миллионов долларов в рублях. Большая часть этих денег пошла на покупку четырехэтажного офисного здания и складских помещений на юго-западе Москвы, вблизи станции метро Профсоюзная, а также на закупку товара.

В ноябре 1996 года Федор Петрович стал спикером. Однако через месяц Президент отстранил губернатора Кисловского от должности, и назначил исполняющим обязанности губернатора Андрея Смирнова, отношения с которым у Минка не заладились с самого начала.

Виной тому было то, что сразу после назначения Смирнова и. о губернатора была определена дата губернаторских выборов, и Минк не был бы Минком, если бы не выставил свою кандидатуру в качестве претендента на этот пост. Видя в нем серьезного конкурента, Смирнов попросил присягнувших ему на верность областных руководителей правоохранительных органов «повнимательнее приглядеться» к деятельности Минка и его окружения. И началось…

* * *

Саша Мыльников всегда хотел стать богатым. Эта мысль впервые посетила его неглупую голову еще в конце далеких семидесятых, когда он учился в шестом классе одной из московских средних школ.

Как-то утром его мама, Зинаида Степановна, работавшая бухгалтером в издательстве «Художественная литература», как обычно, стала поднимать его в школу. А надо сказать, что Саша был большим любителем поспать.

Будильник с интервалом в пять минут надрывался над ухом. Мать то и дело заходила в его комнату и торопила с подъемом. Она сказала, что если Саша будет опаздывать на уроки и плохо учиться, то в виду отсутствия у них с отцом нужных связей и денег никуда не поступит. Он, как и его отец, вынужден будет работать простым рабочим, изредка перебиваясь какой-нибудь халтурой, чтобы прокормить себя и семью.

Саша начал размышлять о своей дальнейшей судьбе, и чем больше он размышлял, тем непригляднее становилась картина того, что может ожидать его в будущем. Как ни крути, а выходило, что даже если он и поступит в какое-нибудь высшее учебное заведение, то оно точно не будет называться МГУ или МГИМО, где учились, как говорила его мать, только дети блатных. А раз так, то в лучшем случае он сможет поступить только в какой-нибудь затрапезный институтишко, если вообще поступит. И вполне реально и вовсе остаться без высшего образования.

А что потом? А потом все как у рядовых советских людей: горбатиться от зари до зари в поте лица инженером или, еще хуже, рабочим на заводе, ожидая почетной, но нищенской пенсии.

А ведь жизнь может быть и другой – счастливой и беззаботной. Но для этого нужно много денег, очень много. Столько, чтобы больше никогда и ни в чем не нуждаться!

От этой мысли у Саши вдруг закружилась голова, но ненадолго, так как следом за этой мыслью стали приходить и другие. О том, что его мечта вряд ли достижима, поскольку

он живет в Советском Союзе, а не в какой-нибудь капиталистической стране. О том, что честным трудом столько никогда не заработать и еще много разного, ставившего под сомнение саму возможность заработать миллион. Именно такая сумма являлась для него мерилом богатства и пределом его мальчишеских мечтаний…

Шли годы. Саша хорошо учился и по совету родителей еще со школьной скамьи пошел по комсомольской линии. Сначала он стал комсомольским вожаком в школе. Потом окончил школу комсомольского актива. Его рвение было замечено «наверху»; пройдя все ступени комсомольской карьерной лестницы и отучившись в Высшей комсомольской школе, к 1988-му году он уже являлся вторым секретарем одного из районных комитетов комсомола Москвы.

Будучи человеком смышленым, оборотистым, и внимательно наблюдая за событиями, происходившими в стране, Мыльников возглавил созданный в 1988 году его шефом, первым секретарем райкома ВЛКСМ Петром Занозиным, центр научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Этот центр, как и другие подобные ему, был освобожден от уплаты налогов на добавленную стоимость и прибыль. Поэтому НТТМ стал заниматься внедрением новых научно-технических разработок в производство, а также импортом и сбытом компьютерной техники, довольно быстро став приносить Мыльникову и его старшему компаньону неплохие деньги.

Парадокс советской экономики состоял в том, что промышленные предприятия, НИИ, конструкторские бюро и кооперативы, в отличие от НТТМ, были не вправе выплачивать своим работникам деньги за выполнение сторонних заказов. НТТМ зарабатывал также и на обналичивании их средств, так как для того, чтобы обойти ограничение, некоторые московские НИИ пропускали свои заказы через него, выплачивая достаточно большие комиссионные.

К августу 1991 года Александр Иванович, благодаря своей активности на ниве «комсомольской экономики» и заведенным связям, уже обладал капиталом, размер которого значительно превосходил заветный миллион тогдашних полновесных советских рублей.

СССР после путча затрещал по швам и стал разваливаться на глазах. В сентябре 1991-го приказал долго жить и родной ВЛКСМ. К этому времени центр НТТМ акционировался, а Мыльников, поссорившись с Занозиным на почве дележа капитала во вновь образованном акционерном обществе, забрал свои деньги и вышел из состава учредителей.

Стремительно обесценивавшиеся рубли надо было срочно куда-то вкладывать. Решив, что московская недвижимость со временем будет только дорожать, Мыльников в течение двух лет, используя начавшуюся приватизацию жилья, приобрел полсотни квартир по всей Москве. На оставшиеся деньги он купил доллары и положил их на счет в крупном западном банке.

Пройдя комсомольскую школу, он знал, как функционирует платежная система, но, тем не менее, ощущал острую необходимость в получении высшего финансово-экономического образования. Являясь человеком целеустремленным, привыкшим добиваться поставленной цели, и имея свободное время и средства, Мыльников, задействовав свои щедро оплаченные знакомства, поступил на экономический факультет МГУ им. Ломоносова.

В первый же год учебы он женился на своей однокурснице, Надежде – молоденькой девчушке, поступившей в МГУ сразу после школьной скамьи. Ее отец, бывший секретарь горкома партии одного из подмосковных городов, подался в бизнес. Мать работала главным бухгалтером в фирме, принадлежащей мужу.

На свадьбе в числе гостей присутствовал родной брат тестя – Алексей Гаврилович, депутат Законодательного собрания Северовской области. Он-то впоследствии и предложил Минку в компаньоны кандидатуру Мыльникова.

Февраль 1997 года.

Первое время Мыльников являлся эталоном партнера, радеющего за их совместный с Минком бизнес. Мгновенно вникнув во все дела, он до автоматизма отладил все бизнес-процессы, нанял нескольких хороших юристов и бухгалтеров. Должность главного бухгалтера Александр Иванович предпочел оставить за собой.

К февралю 1997 года Мыльников сконцентрировал в своих руках всю полноту власти в компании. Сотрудники московского филиала СП «Регион-Север» под различными предлогами увольнялись, а соискатели на освобождающиеся должности, включая рабочих, кладовщиков и уборщиц, принимались на работу лично им, чтобы своим благополучием они были обязаны только ему.

По большому счету, никто и не предполагал, что реальным владельцем компании являлся Федор Минк. Все, даже занимавшие руководящие должности сотрудники, знавшие, что у их фирмы имеется второй учредитель, считали главным только Мыльникова. Минка они не видели ни разу. Пользуясь этим, Александр Иванович решил изменить существующую схему ведения бизнеса в свою пользу.

Сначала компания закупала товар у поставщиков, которые в основном перешли к ней «по наследству» от филиала СП «Регион-Север», и оптом реализовывала его в магазины Москвы и Московской области. Рассчитываясь с поставщиками, компания направляла свою немалую прибыль на увеличение оборота, закупая товар у новых поставщиков.

Воспользовавшись временной бесконтрольностью, возникшей из-за ведения Минком активной политической деятельности в Северово, Мыльников учредил и искусственно внедрил в указанную схему бизнеса ООО «Опт-Трейд», принадлежащее только ему. ООО «Опт-Трейд» было поставлено между ООО «Минк» и магазинами, ранее закупавшими товар непосредственно у ООО «Минк». Таким образом, все финансовые обязательства перед поставщиками, которых к тому времени уже было более пятисот, ложились на ООО «Минк», а финансовые потоки за товар, поставляемый тысяче двумстам магазинам, устремлялись в ООО «Опт-Трейд»…

Совещание депутатской группы Федора Минка затянулось допоздна. Распустив единомышленников, Минк включил свой сотовый, на который ему тут же позвонил руководитель московской фирмы, поставлявшей товар в ООО «Минк».

Последнее время в его московской компании творилось что-то непонятное. До него стала доходить информация о том, что Мыльников не чист на руку, что прибыль компании стремится к нулю, а также то, что Саша, узурпировав власть, бесконтрольно расходует его деньги. Эти тревожные сообщения приходили к Федору Петровичу из разных источников, преимущественно от его старых поставщиков, с которыми он, помимо бизнеса, водил и личную дружбу. Все это не могло не тревожить.

– Иван Семенович, здравствуй, дорогой! – ответил Федор. – Ну, рассказывай, как там столица, что там у вас происходит?

– Федор Петрович, я сразу к делу, – взволнованным голосом ответил собеседник, – ты уж извини, но мне кажется, что твой партнер уводит у тебя бизнес.

Выслушав его рассказ, Минк позвонил Мыльникову и попросил его прилететь в Северово, прихватив с собой бухгалтерскую документацию.

– Федор Петрович, дорогой, ну не могу я сейчас! На нас тут бандосы наехали, налоговая собралась выездную проверку проводить, короче, край, не могу и все!

– Саш, ты прекрасно понимаешь, что я не имею возможности прилететь в Москву. Мы сейчас принимаем бюджет, а мне нужно, чтобы ты отчитался передо мною! Все, разговор

закончен! Жду тебя завтра, запиши телефон моего помощника, завтра он будет ждать тебя в аэропорту.

«Да, Сашенька, не ошибся ли я в тебе?» – подумал Федор Петрович, положив трубку телефона…

…После телефонного разговора с Минком Мыльников экстренно созвал совещание, на котором присутствовали только его родственники: мать, жена, теща и тесть, поставленные им в ООО «Минк» на ключевые посты.

– Ну, что будем делать, есть мнения? – передав свой разговор с Минком, взволнованно спросил Александр Иванович.

– Сашенька, сынок, – обеспокоенно сказала мать, – не надо тебе туда лететь! Давай лучше ты уйдешь от Минка и мы организуем свой бизнес, ни от кого не прячась! Разведись с ним цивилизованно, деньги ведь есть.

– Мать, нуты, как всегда, оригинальна, – раздраженно ответил бывший комсомольский вожак, – ты не хуже меня знаешь, что этот рынок давно поделен между несколькими крупными игроками и ловить нам на нем будет нечего. Да от нас завтра же отвернутся все поставщики и опять перейдут к Минку, а тот гнобить нас начнет. Ну уж нет!

– Сань, а что ты предлагаешь? – обеспокоенно спросил тесть. – Ты туда полетишь, попадешь Минку под горячую руку. Да тебя там грохнут, и все!

– Не грохнут. У меня есть одна идея, но воплотить ее я смогу, только оставшись на своем нынешнем месте. – Мыльников решительно встал, его глаза лихорадочно горели. – Решено, я лечу!…

– Федор Петрович, дорогой, ну прости ты меня, бес попутал! – Мыльников выглядел растерянным, подавленным и напоминал провинившегося ученика начальных классов, случайно разбившего окно в школе, с бледным видом кающегося грешника оправдывающегося перед директором школы. – Ну не подменял я «Опт-Трейдом» «Минк», ты пойми – «Опт-Трейд» выступало только в качестве комиссионера по торговым сделкам. На вот, смотри всю бухгалтерию! Кто там про меня чего наплел, я не знаю…

Если бы его в тот момент видел великий Станиславский, то наверняка восхищенно бы воскликнул: – «Верю!» Поверил и Минк. А как тут было не поверить – Александр Иванович хорошо подготовился к встрече, которую ему все же удалось отсрочить на два дня.

За это время бухгалтеры ООО «Минк» и ООО «Опт-Трейд», используя копировальную технику, изготовили целый пакет копий фиктивных договоров и бухгалтерских проводок. Из этих документов следовало, что ООО «Опт-Трейд» выполняло в сделках ООО «Минк» с магазинами всего лишь роль комиссионера, получая за эти услуги в качестве вознаграждения жалкие 10 % от суммы сделки.

– Ладно, Саша, убедил, я буду считать эту твою самодеятельность досадным недоразумением, – смягчился Минк, – а теперь слушай меня внимательно…

* * *

Возвратившись из Северово, Мыльников собрал «семью»:

– Минк мне поверил. Мы решили создать новую компанию под названием «Третий Рим Трейдинг» и перевести оборотные средства из ООО «Минк» туда. Кроме того, мне удалось под маркой увеличения доли рынка, которую мы будем контролировать в будущем, уговорить его перечислить нам еще 10 миллионов баксов. Наш «Опт-Трейд» придется ликвидировать. – Он торжествующе улыбался.

– Саш, а какая доля в новой компании будет твоей? – осведомился тесть.

– Все те же 10 %. А теперь к главному. План наших действий таков. После того, как мы зарегистрируем новую компанию, накачаем ее деньгами Минка, перезаключим на нее

договоры с поставщиками и магазинами, мы организуем свою, новую компанию, назовем ее, к примеру, «Торг-Опт». Учредителем выступлю я, а генеральным директором и главным бухгалтером станет Мария Федоровна. – Он многозначительно посмотрел на тещу. – После этого, немного поработав и «отъев» у конкурентов долю рынка – а я думаю, что мы должны иметь ее на уровне 35–40 % по бытовой химии и процентов тридцать по продуктам – мы переведем с «Третьего Рима» на «Торг-Опт» все финансовые потоки. Для этого мы попросту разошлем всем поставщикам и магазинам письма, в которых будет утверждаться, что правопреемником находящегося в стадии ликвидации ООО «Третий Рим Трейдинг» является ООО «Торг-Опт». – Мыльников гаденько улыбнулся.

– В этих письмах мы попросим контрагентов перечислять деньги по договорам, заключенным с ООО «Третий Рим Трейдинг», на счет ООО «Торг-Опт». И все!

– Саша, а ты не боишься, что после этого Минк точно тебя убьет, – взволнованно спросил тесть, – а с тобой и всех нас?

– Да, – поддержала тестя мать, – а потом, сколько мы так проработаем? Да тебя сразу же сдадут Минку. Сами поставщики тоже могут усомниться и начнут названивать ему в Северово. Даже если у нас и получится, сколько мы так проработаем – месяц, два? Ну полгода максимум, а что потом? Прилетит Минк – и нас либо пересажают, либо и вправду поубивают?!

– Я все продумал. Вряд ли контрагенты станут названивать Минку в Северово. В нашем распоряжении будут печати обеих компаний. Для убедительности в письмах мы будем ставить оба оттиска, чтобы у них было меньше оснований нас подозревать.

– Саш, но ведь это же статья, – прошептала жена.

– Послушайте меня внимательно, я еще не договорил! – начал закипать Мыльников. – Я пробивал, у Минка сейчас тяжелая ситуация, он схватился со Смирновым за губернаторское кресло и вряд ли выиграет в этой войне, потому что кандидатуру Смирнова поддерживает сам Президент. Кроме того, Минк воюет на два фронта: одной ногой он в политике, а другой в бизнесе. Главный его актив все равно не мы. Вы прекрасно знаете, что в Северовской области пересекаются интересы очень серьезных людей. Там идет жесточайшая война за угольные разрезы, металлургические комбинаты, лесопромышленные предприятия. У Минка там забот – полон рот. Следовательно, в обозримом будущем он в Москву не приедет. Даже если через год-другой он сюда и заявится, к тому времени мы будем уже очень богатыми людьми, а если у него еще и отберут бизнес в Сибири, то он вообще станет никем. Да с такими деньжищами, которые мы заработаем, он сам у нас сядет. А если еще и скооперироваться с его врагами по принципу «враг моего врага – мой друг», – мечтательно улыбнулся он…

* * *

Федор Минк проиграл. Он проиграл выборы Смирнову. В принципе, Федор Петрович понимал, что выиграть у Смирнова он вряд ли сможет.

На стороне его противника был административный ресурс и поддержка Президента. А Минк был ставленником опального экс-губернатора, который своим правлением довел некогда богатейшую и процветавшую в советское время область до ручки.

К выборам, которые состоялись в феврале 1997 года, Северовская область представляла собой глубоко депрессивный, буквально лежавший в руинах регион. Дотации, квоты и вообще все, что приходило из Москвы, разворовывалось на корню. Бюджет области принят не был. Зарплаты людям не выплачивались по полгода. Как во времена революции 1905 года – на заводах организовывались стачкомы, шахтеры перекрывали железнодорожные пути, стуча по рельсам касками и требуя выплатить им кровно заработанные деньги. За контроль над предприятиями велись ожесточенные криминальные войны. Каждый день в прессе и

на телевидении появлялись сообщения об убийствах, совершаемых прямо средь бела дня. Регулярно из-за нарушения правил безопасности в шахтах гибли люди.

В этих условиях федеральный центр направил в Северово работавшего до этого в Правительстве России Андрея Смирнова, чтобы хоть немного навести порядок в регионе, где ситуация действующей властью уже не контролировалась.

Надо сказать, что Смирнов не был варягом, поставленным центральной властью во главе региона. Скорее наоборот. Он был коренным северовчанином. С 1992 по 1994 год Андрей Григорьевич являлся спикером Законодательного Собрания области. Будучи убежденным коммунистом и противником действующей в стране власти, он был опытным аппаратным работником и умел находить с этой властью общий язык. Обладая талантом руководителя, имея за спиной громадный опыт работы в народном хозяйстве и на высоких партийных постах, он имел огромный авторитет как среди своих сторонников, так и среди политических противников. Поэтому неудивительно, что после избрания его председателем Законодательного Собрания Смирнов встал в оппозицию к губернатору Кисловскому и их отношения очень быстро переросли в личную вражду.

В те годы ситуация в области очень напоминала ситуацию в самой Москве, где Верховный Совет противостоял Президенту – за исключением, пожалуй, лишь одного. В Северово Парламент из танков не расстреливали, и вооруженного противостояния удалось избежать.

В конце 1994 года Президенту стало окончательно ясно, что двум медведям в одной берлоге не ужиться. Поэтому Смирнов был переведен в Москву на министерскую должность в Правительстве России.

Однако, несмотря на то, что Смирнов был коммунистом, увеличение числа которых в губернаторском корпусе Ельцину было невыгодно, тот, скрипя сердце, все же пошел на то, чтобы назначить Смирнова и.о. губернатора в родную область. Более того, Ельцин стал поддерживать его и на выборах, поскольку иной сильной кандидатуры, способной изменить ситуацию к лучшему, не видел. Ведь продолжение правления Кисловского грозило сильнейшим социальным взрывом среди местного населения.

* * *

Став губернатором, Андрей Григорьевич решил во что бы то ни стало сместить Минка с поста спикера. Получив контроль над Законодательным Собранием, он сумел бы быстро добиться принятия бюджета и запустить все реформы, которые планировал осуществить в области. Минк же со своей депутатской группой были у него, как кость в горле. Над головой Федора Петровича потихоньку сгущались тучи…

– Андрей Григорьевич, разрешите? – На пороге губернаторского кабинета стоял недавно назначенный прокурор области Иван Семеренков.

– Здравствуй, Игорь Семенович! Заходи, заждался я тебя. Ну, есть чем порадовать? – радушно поприветствовал его Смирнов.

– Да тут в двух словах и не расскажешь, – в фальшивой улыбке растянул губы прокурор.

– А ты расскажи в трех. Я никуда не тороплюсь.

– В общем, дело обстоит так…

Из рассказа прокурора следовало, что в начале 1994 года в отношении тогда еще обычного предпринимателя Федора Минка прокуратурой было возбуждено уголовное дело по подозрению в хищении тридцати миллионов долларов при продаже за границу пятидесяти тысяч тонн алюминия. Спустя некоторое время дело это было прекращено, а тогдашний прокурор области, с подачи губернатора, был снят с должности и уволен.

Поводом для возбуждения дела послужило то, что в 1993 году областная администрация выделила Северовской региональной организации «Ассоциация-Чернобыль» квоту на

экспорт пятидесяти тысяч тонн алюминия. Это было сделано с целью получения средств для оказания помощи людям, участвовавшим в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Поскольку у «чернобыльцев» не было лицензии на экспорт цветных металлов, они вынуждены были заключать договоры комиссии на экспорт алюминия с принадлежавшим Минку СП «Регион-Север», которое такую лицензию имело.

Однако, в нарушение договорных обязательств, СП «Регион-Север» выступило как продавец «крылатого» металла, а не как комиссионер. Когда же выручка от продажи алюминия поступила на счета его фирмы, Минк, будучи в сговоре с председателем правления «Ассоциация-Чернобыль» Антоном Федоренко, присвоил и частично перевел на свои счета более тридцати миллионов долларов.

Сам Федор Петрович на допросах утверждал, что дело в отношении него сфабриковано, а его компания от участия в экспорте алюминия прибыли не получала вовсе.

Следствием же было установлено, что при подписании договоров на продажу алюминия в них оговаривалось, что деньги, сэкономленные за счет «чернобыльских» таможенных льгот, пойдут на покупку жилья для северовских «чернобыльцев». Квартиры-то они получили, однако до сих пор документы на них оформлены не были, и юридически это жилье находилось в ведении СП «Регион-Север», которое в любой момент имело право их забрать.

– Ну что ж, спасибо, Иван Семенович. Считай, что я даю тебе карт-бланш на возобновление этого дела. Моя поддержка тебе обеспечена.

– Андрей Григорьевич, дело в том, что мы не имеем права дальше вести это дело, так как его истребовали и прекратили в Генеральной прокуратуре. Ну и… э-э, сами понимаете, Минк ведь сейчас обладает неприкосновенностью.

– Тогда пусть твои орлы подготовят для меня проект письма на имя Генерального прокурора. Мне бы не хотелось поручать это своим помощникам, ситуация не простая и информация запросто может утечь.

У тебя есть, кому поручить это дело так, чтобы об этом никто не узнал?

– Конечно, – самодовольно улыбнулся прокурор.

– Ну, тогда действуй, – давая понять, что аудиенция окончена, заключил Смирнов.

– Хорошо, Андрей Григорьевич, будет исполнено, – взял под козырек новый вассал губернатора.

– Ну вот, так-то оно лучше…

Через несколько дней Смирнов направил на имя Генерального прокурора письмо, в котором обращал его внимание на явную незаконность прекращения уголовного дела в отношении Минка. В письме утверждалось, что руководство области получает многочисленные письма инвалидов-«чернобыльцев», а также сигналы от правоохранительных органов о новых правонарушениях Минка.

Спустя месяц, он получил письмо от заместителя Генерального прокурора, в котором говорилось о том, что постановление о прекращении уголовного дела в отношении Минка отменено, а областному прокурору Семеренкову поручено довести его расследование до конца.

В зале заседаний Законодательного Собрания Северовской области воцарилась гробовая тишина. Заседание было в самом разгаре и ничего не предвещало подобного развития событий. По крайней мере, для Минка.

Как и было положено по Регламенту, на заседании областной парламент заслушивал доклад прокурора области о состоянии дел по борьбе с преступностью. И вдруг такая «бомба».

– И в заключении, я ходатайствую перед вами, уважаемые депутаты, о даче согласия на лишение неприкосновенности в отношении депутата Минка Федора Петровича, в части возможности предъявить ему обвинение по статье Уголовного кодекса, предусматривающей

наказание за совершение хищения в особо крупном размере, и избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу. Экземпляры проекта соответствующего постановления о даче согласия вам сейчас раздадут.

– Я не понял, а с какого это времени у нас прокурор берет на себя функции руководства законодательной властью? – зловеще поинтересовался у Семеренкова Минк. Однако в этот момент ему отключили микрофон, а его заместитель и руководитель фракции, поддерживавшей Смирнова, стал призывать коллег к спокойствию.

По тому, с какой быстротой проект данного Постановления был принят, Федор Петрович понял, что все происходящее было хорошо срежиссированным заговором с целью отстранения его от должности. Удивление вызывало даже не это, а то, что за лишение его депутатской неприкосновенности проголосовало большинство депутатов, некоторые из которых являлись его сторонниками и входили в возглавляемую им депутатскую группу.

Как только постановление было принято, в зал вошли сотрудники милиции и, словно в назидание остальным надев на Федора Петровича наручники, вывели его из здания и увезли в областную прокуратуру. В тот же день по постановлению прокурора Федор Петрович был заключен под стражу.

* * *

Это произошло! Нет, после победы Смирнова на губернаторских выборах он, конечно, ожидал, что у Минка появятся проблемы, но чтобы такие и так быстро… Мыльников сиял, как начищенная песком монета. Нет, на людях он этого не показывал, но в душе ему хотелось прыгать от радости. Ну, теперь держись, Федор Петрович, теперь он развернется. Только что Мыльникову стало известно, что Минк вчера был арестован и помещен в следственный изолятор, откуда выйти на свободу без реального срока по статистике получалось лишь у считанных процентов арестантов. Однако, зная Минка, Александр Иванович все же не стал впадать в излишнюю эйфорию, а решил действовать осторожно.

Неделю назад, как и обещал Федор Петрович, из Северово на счета ООО «Третий Рим Трейдинг» поступило 60 миллиардов рублей – те самые 10 миллионов долларов, о которых была договоренность. И это было как нельзя кстати, поскольку, промедли Минк с перечислением этих денег – и их могло не быть, так как, возможно, счета СП «Регион-Север» не сегодня-завтра будут арестованы.

Собрав «семью» и сообщив им радостную новость, Александр Иванович предложил как можно быстрее, используя офшоры, перевести половину полученных от СП «Регион-Север» денег за границу, на свои личные счета. Другую половину он предложил перечислить на счет ООО «Торг-Опт». Одновременно, согласно ранее разработанному плану, планировалось переключить всех поставщиков и клиентов компании «Третий Рим Трейдинг» на обслуживание в ООО «Торг-Опт».

– А в случае, если Минку удастся выйти на свободу, я всегда смогу ему объяснить наши действия необходимостью вывести перечисленные нам деньги из-под угрозы их возможного ареста, а в случае благоприятного для нас развития ситуации, деньги ему возвращать не придется вовсе…

Август 1997 года.

После ареста Федора Минка прошло почти полгода, а собрать доказательства, необходимые для направления его дела в суд, у Семеренкова не получалось. Когда он прибыл в Москву, на коллегию Генеральной прокуратуры, его вызвал к себе Генпрокурор Скуратов и попросил доложить о том, как продвигается следствие по делу. Услышав, что прокурор

области собирается в очередной раз продлить Минку срок предварительного заключения, Генеральный пришел в бешенство:

– Немедленно освободить! Я сказал – немедленно! И по прилету – доложить.

– Но, Юрий Ильич, – испуганно удивился Семеренков, подобострастно вскочив со своего места вслед за поднявшимся начальником, – Минк преступник! Просто свидетели, будто сговорившись, стали давать показания в его пользу, а руководитель «Ассоциация-Чернобыль» умер в камере следственного изолятора от сердечного приступа…

– Молчать! Преступником человека может назвать только суд, и не мне Вам об этом говорить! Если Вы за полгода ничего толком доказать не сумели, то кто поручится за то, что это вообще будет сделано? Мне сегодня звонили из Администрации Президента и просили взять это дело на личный контроль. А я не собираюсь держать уважаемого человека, бывшего руководителя парламента региона в камере. Между прочим, его судьбой интересовался Сам! Вам ли не знать, что Минк учредил Фонд его поддержки? В общем, так, прямо сейчас вылетайте к себе, в Северово, и выпускайте его, а на коллегии за вашу область отчитается мой заместитель…

* * *

Вчера начальник СИЗО пообещал Федору Петровичу, что водворит его в карцер. И тем удивительнее было его сегодняшнее освобождение. Нет, начальник учреждения не отменял своего решения. Его просто выпустили под подписку о невыезде. На свободе Минка никто не встречал, и для того, чтобы добраться до дома, он вынужден был поймать такси. Благо, при задержании у него имелась сумма денег, которая позволяла это сделать.

Как говорится, от сумы и от тюрьмы не зарекайся, но если честно, то Федор никогда не думал, что его могут посадить.

Полгода назад, как говорят арестанты, «заехав на централ», он был водворен в одну камеру с бывшими работниками милиции, но уже на следующий день, как бы случайно, оказался в «хате», в которой чалился «блат-комитет».

В российских тюрьмах и следственных изоляторах содержатся люди, хорошо информированные о том, что происходит на воле. Для некоторых из них, не составляет особого труда посредством «тюремного радио» навести справки практически о любом сидельце. А если им об этом еще и шепнет вертухай…

Кроме Минка, в камере находились еще четверо. Наметанным взглядом бывшего офицера конвойных войск Федор, по их татуировкам, манере держаться и блатной музыке понял, что его посадили с представителями черной масти. И не с какой-нибудь там приблатненной шушерой, а с самыми что ни на есть настоящими авторитетами преступного мира, во главе со «смотрящим по централу» с «погремухой» Варавва.

Какое-то время коренные обитатели тюрьмы его словно не замечали, вяло перекидываясь в секу и очко. Однако когда наступило время обеда и он, получив свою миску с супом, спросил у раздатчика ложку, Варавва с иезуитской улыбкой предложил ему ложку, в которой зияла дыра.

– Бери, это тебе. Привыкай к своей новой роли, мусор, – осклабился он.

Тот, кто это затеял, хорошо знал не только то, как зэки относятся к бывшим военнослужащим конвойных войск, но и взрывной характер Минка, никогда бы не позволившего себя опустить. Следовательно, почти наверняка он будет убит, а его смерть выгодна многим. Потом это происшествие можно будет списать на самоубийство, разборки с сокамерниками, внезапную остановку сердца, да на что угодно…

– Давай! – Федор потянулся к протянутой ему Вараввой ложке и внезапно выплеснул тому в лицо горячее содержимое своей миски.

– А-а, – взвыл от боли Варавва. – мочи вертухая! – Однако Минк мощнейшим, некогда бывшим своим коронным, боковым ударом справа послал в глубокий нокаут стоявшего к нему ближе всех зэка. Продолжая атаку, напоминая раненого охотниками дикого кабана-секача, которому все равно терять нечего, Федор бросился к ошеломленным таким поворотом дел оставшимся двум блатным. Схватив опустевшую миску, он с отчаянным воплем, что было сил, опустил ее на голову одному из них, надолго отключив его от окружающей действительности. После этого, прижав последнего стоящего на ногах противника всей своей немалой массой к стене, он стал методично наносить страшные по своей силе удары головой в лицо, пока тот не обмяк.

Подскочив к очухавшемуся было Варавве, Минк заключил его в свои медвежьи объятия и провел удушающий прием. После того, как смотрящий потерял сознание, Федор Петрович запихал его под одну из кроватей, что автоматически переводило Варавву из самой высшей в самую низшую касту сидельцев.

Удовлетворенно оглядев «поле боя», Федор присел на кровать, чтобы отдышаться, но в это время в камеру вбежали четыре прапорщика и, избив его до потери сознания дубинками, бросили в холодный карцер.

* * *

Карцер, куда Минк был водворен на пятнадцать суток за то, что «явился инициатором драки с сокамерниками, в результате которой четверым подследственным были причинены телесные повреждения», находился в полуподвальном помещении следственного изолятора. Это был бетонный мешок площадью пять квадратных метров, в котором, кроме откидных нар, табурета, стола и «санузла», не было больше ничего. В специальной нише над дверью находилась электролампа небольшой мощности, изолированная мелкоячеистой металлической сеткой, круглосуточно освещавшая тусклым светом помещение карцера.

Наверху, под потолком, находилось окно размером примерно полметра на полметра, закрытое металлической решеткой и щитом снаружи. Изнутри окно закрывала сетка.

После пятнадцати суток полной изоляции его, как и было положено, содержали в камере с бывшими сотрудниками правоохранительных органов, судов и адвокатуры.

Поначалу он попал в так называемую общую камеру для бывших сотрудников. Дело в том, что «на централе» в то время было всего три камеры, где содержались бывшие сотрудники. Две из них были рассчитаны соответственно на восемнадцать и двадцать человек, поэтому они и назывались общими, А одна, которую и зэки, и сотрудники называли «тройником», была рассчитана всего на шесть «шконко-мест», но в ней больше четырех сидельцев не «парилось».

Как в любой мало-мальски приличной больнице есть коммерческие палаты, так и в любом «уважающем себя» СИЗО имеются «хаты» повышенной комфортности, где сидят люди с деньгами. Северовское исключением не являлось, и здесь роль бывшее-ментовского «комка» была отведена «тройнику».

После того, как Федор попал в общую «хату», его вызвал к себе начальник оперативной части и предложил за двести долларов в сутки скрасить свое пребывание в неволе «на тройнике». Он объяснил, что там Федору Петровичу, правда, за отдельную плату, будет организована «зеленая линия», то есть занос продуктов, лекарств и чуть ли не всего, что он пожелает. Чуя возможный подвох, Минк сначала отказался, но «кум» ему объяснил, что в пресс-хату его сажать никто не собирается. Просто бизнес есть бизнес. После потрясений и передряг, которые он перенес в последнее время, Федору это предложение показалось заманчивым, и он согласился.

* * *

«Тройник» находился в «vip-секции» СИЗО, где располагались камеры для очень небедных людей. Войдя в «хату», Федор Петрович не мог поверить в реальность того, что предстало перед его глазами. Это была не камера, а скорее номер пятизвездочного отеля. Площадь метров шестнадцать, на полу и стенах дорогие ковры, стены оклеены добротными импортными обоями, а в углу стоял моющий пылесос. В камере имелась вся необходимая мебель, холодильник, телевизор с видеоплеером, компьютер и даже кондиционер, но что особенно поразило Федора Петровича, так это стоявший в углу огромный аквариум, в котором плавали разноцветные рыбки. Вместо обычных зэковских шконарей здесь стояло шесть новых одноярусных деревянных кроватей-полуторок. Вони, казалось, въевшейся в стены обычных камер, здесь не было и в помине и ощущался легкий и приятный запах молотого кофе и дорогого мужского одеколона.

Постояльцев в «номере» было четверо. Поздоровавшись и представившись, Минк прилег на предложенную ему кровать. С расспросами к нему никто не лез и он незаметно для самого себя уснул.

Сокамерниками Федора были бывший начальник одного из Северовских отделов милиции полковник Вячеслав Артюшкин, бывший опер этого же отдела капитан Аслан Бердыев, адвокат Сергей Василенко и бывший начальник оперативного отдела Управления исполнения наказаний по Северовской области полковник Александр Тумель, он же являлся смотрящим по бээсным камерам.

Тумель был сорокалетним, здоровенным, лысым амбалом с маленькими глазками, мрачным взглядом исподлобья и металлическим голосом, который, судя по тому, что Минку о нем стало известно, являлся самым настоящим отмороженным беспредельщиком. Тумель и несколько его подчиненных, содержавшихся в другом СИЗО, обвинялись в изощренных издевательствах над заключенными, пытках и даже в насильственных действиях сексуального характера.

Смотрящий никогда и ни от кого не скрывал, что он совершил, и даже бравировал этим. Находился под стражей он уже второй год, и суд над ним и его подельниками должен был состояться в ближайшее время. В вину Тумелю вменялось несколько эпизодов преступной деятельности. Прочитав его обвинительное заключение, Федор Петрович содрогнулся.

Два года назад покровитель Александра Евгеньевича Тумеля, генерал-майор Петровский, был назначен на должность начальника областного УИН и привел с собой из Ростова его и еще нескольких офицеров. О деяниях этих двуногих тварей среди зоновской братвы ходили легенды, от которых стыла кровь в жилах даже у видавших виды коренных обитателей тюрьмы.

Сразу после вступления в новую должность, в целях «наведения порядка» он с двумя подручными прибыл в Новокузьминское СИЗО, откуда недавно был совершен побег. Вызвав в кабинет начальника учреждения четырех подследственных, поддерживавших администрацию – так называемых «активистов», а также виновника побега, Тумель приказал «активистам» жестоко избить его, после чего самолично сунул палку в задний проход «бегунка». При этом все происходящее по его приказу было снято на видеокамеру для того, чтобы впоследствии за условно-досрочное освобождение этого «опущенного» требовать с его родственников деньги.

Узнав от начальника СИЗО, что находившийся в карцере за неповиновение «смотрящий за централом» пытается организовать бунт среди заключенных, Тумель, взяв своих подручных и одного «активиста», спустился в карцер и стал издеваться над старым бродягой.

По его приказу отчаянно сопротивлявшегося «смотрящего» раздели и наголо выбрили ему голову и все части тела, где находились волосы, после чего жестоко избили. Отбив жертве почки и половые органы, «орлы» Тумеля по его распоряжению на груди и спине бывшего вора несмываемыми чернилами огромными буквами вывели слово «петух», после чего заставили избитого и сломленного старика делать «зарядку», силой сажая его на шпагат. Напоследок, по указанию все того же Тумеля, «активист» провел своим членом по губам бывшего смотрящего, который в ту же ночь вскрыл себе вены.

Это были лишь два эпизода «славной» деятельности Тумеля. Всего в обвинительном заключении таких эпизодов было восемь. Оставалось лишь догадываться, сколько еще и каких дел сотворил за время своей службы в органах исполнения наказаний этот «один из лучших сотрудников системы».

Когда Тумеля заключили под стражу, его покровитель, генерал Петровский, остался на своей должности, хотя и получил за проделки подчиненных неполное служебное соответствие. Поэтому, оказавшись в изоляторе, Тумель продолжал руководить начальством СИЗО, на которое мощное давление оказывал его старый друг и подельник Петровский. А как же еще мог поступить друг – ведь Тумель его не сдал.

Практически каждый день к «смотрящему» приходила его жена, с которой прямо в своем кабинете ему устраивал свидания зам. начальника СИЗО по оперативной работе. В камеру доставлялись блюда из лучших ресторанов города. У него был собственный бар, в котором имелись водка, коньяк, виски, ром и прочие элитные алкогольные напитки, включая настоящее французское шампанское.

Своих сокамерников Тумель тоже выбирал сам. Артюшкин был его правой рукой, обвинялся в организации притонов для занятия проституцией. Бердыеву было предъявлено обвинение в превышении должностных полномочий, похищении человека, незаконном лишении свободы и вымогательстве. Василенко подозревался в организации рейдерского захвата одного из крупных предприятий области.

Вот такая компания собралась в этой камере. Не случайно туда попал и Минк, хотя узнал он об этом гораздо позднее, когда спустя несколько месяцев, уже на свободе, судьба вновь свела его с Александром Евгеньевичем Тумелем…

Выйдя из СИЗО, Федор Петрович решил пока активных действий не предпринимать. Ему нужно было сначала разобраться в том, что происходит с его депутатской группой и бизнесом, кто его друг и союзник, а кто враг и предатель.

До того момента, когда на него прямо в зале заседаний Законодательного собрания надели наручники, ему казалось, что он полностью контролирует ситуацию. Что есть они – его враги и недоброжелатели, и есть он и его единомышленники и друзья. Однако известные события показали, насколько его представления были далеки от действительного положения дел.

Поскольку он, хотя и был отстранен от должности председателя областного Законодательного Собрания, но статуса депутата не лишен – первым делом Федор отправился в здание Собрания, куда позвал своих сторонников. Из десяти депутатов группы на его просьбу прийти откликнулись всего трое. Остальные отказались. От этих-то трех своих верных соратников он и узнал, что фактически депутатская группа приказала долго жить. Трое предателей еще за несколько дней до его ареста переметнулись на сторону большинства, поддерживавшего Смирнова, остальные со временем отказались от борьбы под давлением со стороны власти. У кого-то по надуманным основаниям из престижного ВУЗа отчисляли сына-отличника, кому-то уничтожали бизнес путем проведения бесконечных проверок со стороны налоговых органов, пожарного надзора, милиции и т. п., приостанавливали и отзывали лицензии на право занятия той или иной деятельностью. В прессе и на телевидении тоже шла беспрецедентная травля его сторонников.

Не лучшим образом дела обстояли и в бизнесе Минка. Все счета СП «Регион-Север» по постановлению прокуратуры были арестованы. Судом было принято решение о временном приостановлении деятельности предприятия, которое до его возвращения было фактически парализовано. Перед поставщиками имелись огромные долги, персонал фирмы не получал зарплату практически с момента его ареста, а директор и главный бухгалтер самоустранились от исполнения своих обязанностей.

Несмотря на почти ежедневные вызовы в прокуратуру для проведения следственных действий, Федор Петрович, засучив рукава, стал исправлять ситуацию. Вкладывая свои личные деньги, он постепенно стал выводить компанию из многомесячного штопора.

Вдохнув жизнь в, казалось бы, навсегда канувшее в Лету предприятие, Минк обратил внимание на то, что от его московской компании «Третий Рим Трейдинг» ни новостей, ни денег не поступало. Телефоны Мыльникова молчали. Это было в высшей степени странно. Тогда Федор Петрович, подозревавший, что его номер прослушивается, стал с другого телефонного номера обзванивать крупных поставщиков «Третьего Рима Трейдинг» в Москве. То, что он от них услышал, повергло его в шок.

Выяснилось, что после его заключения под стражу Мыльников создал некое ООО «Торг Опт», учредителями и руководителями которого были он сам и его родственники. Представляя эту фирму правопреемником ООО «Третий Рим Трейдинг», Александр Иванович стал ориентировать поставщиков на ООО «Торг Опт». Причем поставщики были уверены, что эти действия Мыльникова согласованы с Минком.

По словам руководителей фирм-поставщиков, у ООО «Третий Рим Трейдинг» за последние месяцы образовались перед ними огромные долги за ранее поставленный в кредит товар.

* * *

Ошарашенный полученной информацией, Федор Петрович стал лихорадочно обдумывать, что ему следует предпринять в сложившейся непростой ситуации, как вдруг раздался звонок по внутренней связи. Секретарша доложила, что аудиенции с ним добивается некто Александр Евгеньевич Тумель.

– Ну, здорово! – они обнялись. Александр выглядел так, будто возвратился с престижного курорта, а не «откинулся от хозяина».

– Саня, пойдем-ка, поговорим в другой комнате. – Тумель с полуслова понял, что Федор имел в виду – их могли прослушивать.

Они уютно расположились в комнате отдыха, которая по просьбе Федора Петровича сразу же после его выхода из СИЗО была обследована военными из службы радиоэлектронной борьбы на предмет наличия прослушивающих устройств. После того как выпили за встречу, Тумель рассказал, что было после того, как Федора выпустили. Подельники и бывшие подчиненные Александра Евгеньевича взяли на себя его вину.

Он сам был приговорен судом всего к трем годам лишения свободы и оставлен начальником СИЗО «на централе» в составе «хозбанды», продолжая при этом находиться в той же камере. В колонию ехать он не пожелал. Спустя три месяца срок его содержания под стражей составил два года и руководством учреждения он за хорошее поведение был представлен к условно-досрочному освобождению. Петровский постарался, нажал на нужные рычаги в судебной системе области и спустя две недели Тумель оказался на свободе.

Федор, в свою очередь, поведал ему о своих злоключениях, не забыв рассказать о том, что случилось с его бизнесом в Москве.

– Слушай, Саш, мне сейчас нужны верные люди. Положиться ни на кого нельзя. Короче, мне нужна своя служба безопасности. Как ты смотришь на то, чтобы ее возглавить?

– Я как раз пришел к тебе поговорить насчет своего трудоустройства.

Сам понимаешь, с судимостью меня даже за бабки на нормальную должность не пристроить. Короче, я согласен…

Декабрь 1997 года.

Комиссия, или как ее называл Тумель – зондеркоманда, которую Минк послал в Москву, чтобы проверить факты «крысятничества» со стороны Мыльникова, прибыла в ООО «Третий Рим Трейдинг» вечером 7 декабря 1997 года. В ее состав входили десять человек, четверо из которых, включая Тумеля, который ею руководил, были из службы безопасности СП «Регион-Север». Это были преданные лично ему и проверенные люди, с которыми он прослужил в системе исполнения наказаний не один год. Остальные являлись бухгалтерами и аудиторами этой же компании.

Полномочия этой комиссии в письменной форме оформлены не были, что, конечно же, было большим промахом со стороны Федора Петровича. Беспрепятственно миновав контрольно-пропускной пункт, ведущий на территорию, принадлежащую ООО «Третий Рим Трейдинг», они зашли на первый этаж здания. Нейтрализовав попытавшегося было позвонить Мыльникову охранника, вошли в офисное помещение, занимаемое бухгалтерией, откуда уже собирались расходиться по домам женщины-бухгалтеры.

– Добрый вечер, дамы. Всем оставаться на своих местах! Ключи от шкафов и сейфов аккуратненько кладем на стол. – Казалось, Александр Евгеньевич был сама любезность.

– Позвольте узнать, кто вы такие и что вы себе позволяете? – дрогнувшим голосом спросила Тумеля теща Мыльникова. Она взяла было в руки трубку телефона, чтобы набрать зятя, но в этот момент Тумель от души залепил ей затрещину.

– Положи трубку, сучара! – прошипел он. Достав из кармана своей куртки пистолет Макарова, он приставил ей дуло ко лбу. Будешь гавкать – грохну прямо здесь!

– Обыскать всех! – приказал он сопровождавшим его подчиненным.

После того, как все ключи от сейфов, шкафов и ящиков столов были выложены, Тумель распорядился закрыть всех женщин-бухгалтеров в женском туалете, а своим бухгалтерам и аудиторам приступать к исследованию документации. Оставив с ними для охраны двоих, он со своим замом, Ванькой Лобановым, поднялся на третий этаж в кабинет к Мыльникову, который, со слов его тещи, находился у себя.

– Привет, Крыса! – Тумель наставил пистолет на Мыльникова, закрывавшего в этот момент сейф. Александр Иванович хотел было спросить, что нужно этим людям, но не успел, поскольку узкий нос «казака» визитера с большой силой вошел в тесный, но отнюдь не дружеский контакт с его пахом. Взвыв от боли и страха и схватившись за причинное место, Мыльников согнулся, но тут же разогнулся, получив мощный удар коленом в лицо.

– Мы тебя сейчас на куски рвать будем, гнида! Хотя, пожалуй, нет, – Тумель мерзко ухмыльнулся. – Сначала мы тебя трахнем, а потом начнем отрезать все, что нам покажется лишним, гы-гы-гы! Сначала пальцы, потом уши. Кстати, урод, у тебя есть тупые ножницы?

– Что вам от меня надо, – испуганно закашлялся Мыльников. – Деньги? Возьмите, у меня в сейфе тридцать тысяч долларов. – Александр Иванович лихорадочно соображал, каким образом эти бандиты попали в его кабинет. Вот сейчас они уйдут и он предъявит претензии своей «крыше», «бугру» «ореховских». Совсем мышей не ловят.

– Ты, видимо, не понял, кто к тебе пожаловал, – почти ласково сказал Тумель. – Мы с ревизией от Минка, и ты сейчас очень быстро и внятно, так, чтобы я понял, расскажешь все.

«Тьфу ты, – облегченно выдохнул Мыльников. – а я-то испугался. Так это и не бандиты вовсе, а шестерки минковские. Кишка у них тонка Сашу Мыльникова напугать»…

– Покажите свое предписание на проверку или я ничего вам говорить не буду. Мы с Федором Петровичем партнеры и я не понимаю…

– Ваня, приведи сюда его тещу и позови там наших. Бухгалтеры пусть продолжают работать, – спокойно приказал Тумель.

– Это самоуправство, немедленно освободите ее!

Тумель подошел к Лобанову и что-то прошептал ему на ухо.

– Щас ты у нас все расскажешь, – садистски ощерился он.

Когда испуганная женщина была доставлена, Александр Евгеньевич, обращаясь к ней, ласково поинтересовался:

– Слышишь, ты, шмара, – Тумель и его подчиненные дружно заржали, – ты крыс не боишься?

Округлив глаза и потеряв от ужаса дар речи, Мария Федоровна, из груди которой вырывались какие-то нечленораздельные звуки, попробовала было упасть в обморок, но после выплеснутой ей в лицо воды из графина тут же пришла в себя.

– Ща позабавимся, – Тумель в предвкушении спектакля радостно потер руки. – Давайте, ребятки!..

Подхватив несчастную на руки и положив ее на стол для совещаний, люди Тумеля раздели ее догола, и, удерживая за руки и за ноги, водрузили на живот стеклянную трехлитровую банку, в которой находилась пойманная ими на помойке крыса. Не имея иного выхода, крыса, вереща так, что банка заходила ходуном, начала вгрызаться в несчастную жертву напрочь отмороженных садистов. Нечеловеческий крик заставил стены завибрировать.

– Заткните ей хлебало, а то воет, как сирена, голова болит. – Тумель, как ни в чем не бывало, стал деловито рыться в мыльниковском сейфе, выкладывая оттуда деньги и документы.

– Я…, я все скажу, все, слышите, ну же, отпустите ее! – На Сашу было больно смотреть: он был бледен, как смерть, голос дрожал. Всего за несколько секунд он стал смотреть на мир по-другому. «Нет, так не бывает, это невозможно, этого просто не может быть, я, наверное, сплю и мне снится ужасный сон! Кем же надо быть, чтобы творить такое; что же они сделают со мной, со всеми нами, если они способны на такое!» – вихрь этих и подобных им мыслей, как ураган, всего за несколько мгновений пронесся в его голове.

– Ладно, болт с ней, отпустите ее. А крысу пока не выпускайте. Если мне, падла, будет из твоего рассказа что-то непонятно, я засуну ее тебе в очко. Ты меня понял?..

* * *

Из сбивчивого, но вполне понятного рассказа Мыльникова, подкрепленного документацией, обнаруженной в бухгалтерии, следовало, что он и его семья украли у Минка примерно шестнадцать миллионов долларов. Схема действовала и по сей день, неминуемо ведя московскую компанию Федора Петровича к банкротству, но продолжая пополнять заграничные счета мыльниковской семьи.

Позвонив Минку, Тумель подробно изложил ему ситуацию.

– Саня, слушай меня внимательно. Нужно изъять компьютеры из бухгалтерии и заставить Мыльникова и его тещу написать признание, как все было. И самое главное: пусть Мыльников напишет на мое имя дарственную, по которой фирма «Опт-Торг», а также его доля в ООО «Третий Рим Трейдинг» переходят ко мне. Я прямо сейчас высылаю к вам на подмогу еще людей. Утром нужно будет арестовать весь товар на складах. Действуйте, ребятки!..

Пока Мыльников писал на имя Минка объяснение и дарственную, люди Тумеля опечатали кабинеты бухгалтерии. Испуганные бухгалтеры ООО «Третий Рим Трейдинг» были

отпущены домой с настоятельной рекомендацией не болтать о том, что они видели. Утром весь товар, принадлежавший как ООО «Третий Рим Трейдинг», так и ООО «Торг-Опт», находившийся на этой же территории в специально приспособленных для его хранения ангарах, был опечатан…

* * *

– Внимание, пассажиры! Скорый поезд номер двадцать один, сообщением Москва-Прага, отправляется через пять минут со второго пути первой платформы. Провожающим просьба выйти из вагонов!

Сидя с женой в купе спального вагона, Мыльников прокручивал в памяти события последних дней.

После того, какой под угрозой неминуемой расправы вынужден был оформить на Минка весь свой бизнес, а офисное здание и ангары с товаром были захвачены, Александр Иванович решил уехать из страны и переждать, пока все не уляжется, за границей.

Сначала он, конечно же, написал в прокуратуру Юго-Западного округа столицы заявление о вымогательстве людьми Минка у него бизнеса и о прочих преступлениях, которые ими попутно были совершены как в отношении него, так и в отношении его тещи и других сотрудников компании.

Однако уголовного дела против Минка никто возбуждать не стал. Более того, Федор Петрович прилетел в Москву и написал заявление на самого Мыльникова с просьбой привлечь его к уголовной ответственности за мошенничество. И такое дело было возбуждено, несмотря на все связи, которые Александр Иванович смог задействовать.

Удивительно, но кроме него самого заявлять на Минка и его отморозков никто, включая перепуганную на всю оставшуюся жизнь тещу, не стал. После случившегося Марию Федоровну посетил инфаркт, и она отошла от дел, не желая про бизнес ничего больше даже слышать.

Бухгалтеров, которых Тумель запер в туалете, и охранника, который, не желая пропускать комиссию из Северово, крепко получил по голове, Минку удалось задобрить премией и обещаниями не только оставить их работать на прежнем месте под руководством уже нового начальства, но и существенно повысить зарплату.

«Надеюсь, что меня еще не успели объявить в федеральный и международный розыск», – с тревогой размышлял Александр Иванович. Впрочем, он не собирался долго отсиживаться за границей, хотя в Москву он не приедет еще долго. Возможность подобного развития событий им предполагалась изначально, и времени он даром не терял.

Он собирался проложить дорожку в Северово, к злейшему врагу Минка, губернатору Смирнову, для того, чтобы не только уничтожить своего теперь уже бывшего партнера по бизнесу, но и получить возможность заняться новым бизнесом – углем и металлом. Первоначальный капитал он уже сколотил. На счетах принадлежащей ему компании «Гумберт-Корпорэйшн» лежало более пятнадцати миллионов долларов, переведенных из «Опт-Трейда и «Торг-Опта». Оставалось только получить входной билет в высокодоходный экспортный сырьевой бизнес. И он его получит.

Мыльников уезжал – но уезжал, чтобы возвратиться.

* * *

По приезду в Москву Федор Петрович начал разгребать авгиевы конюшни, которые оставил после себя его недавний компаньон.

В наследство Мннку досталась фактически разоренная компания. Телефоны ООО «Третий Рим Трейдинг» буквально раскалялись от звонков из налоговой и от многочисленных представителей поставщиков, которые названивали и приезжали в надежде получить свои деньги за поставленный в кредит товар.

Требовались немедленные денежные вливания. Минкужедал команду срочно перевести из Северово миллион долларов, чтобы хоть как-то начать тушить полыхающий пожар, но Мыльников исчез, а перед этим заблокировал все счета – и ООО «Третий Рим Трейдинг», и ООО «Торг-Опт».

Родственники Сашки тоже как в воду канули. Бухгалтеры, которых он прислал вместе с Тумелем из Северово, сообщили ему об афере Сашки, показав письма Мыльникова поставщикам. Наряд со вторыми экземплярами этих писем лежал перед ним на столе.

Листая их, Минк понял, как Мыльников его обворовывал. Из писем поставщикам следовало, что в связи с преобразованием компании «Третий Рим Трейдинг» в компанию «Торг-Опт», он просит отныне считать компанию «Торг-Опт» правопреемницей ООО «Третий Рим Трейдинг» и поставлять весь оговоренный в договорах и спецификациях товар в адрес «Торг-Опта».

В конце каждого письма выражалась надежда на понимание руководством фирмы-поставщика ситуации, связанной с организационным периодом, в связи с которым деньги за поставленный в кредит товар до завершения соответствующих процедур будут выплачиваться по-прежнему со счетов ООО «Третий Рим Трейдинг»…

Федор Петрович задумался. Ставить на вакантное место генерального директора «Третьего Рима» было некого, а в Северово его ждали неотложные дела.

У компании «Третий Рим Трейдинг» в поставщиках числилось уже порядка восьмисот фирм, а полученный от них в кредит на очень выгодных условиях товар поставлялся более чем в полторы тысячи магазинов Москвы и Московской области, включая торговые сети «Ашан», «Рамстор» и «Седьмой континент». Правда, с одной оговоркой: в магазины товар все же поставляла не эта компания, а ее «злокачественная опухоль», – ООО «Торг-Опт». Однако положение можно было быстро исправить, особенно если на обе фирмы, находящиеся теперь в руках Минка, прольется золотой дождь из Северово.

Решено: он оставит в Москве на хозяйстве Тумеля. Пока.

*** * ***

Для того, чтобы возбудить уголовное дело в отношении Мыльникова, Федору Петровичу пришлось «занести» прокурору округа, и немало, но он был настолько взбешен, что готов был дать намного больше, лишь бы добиться того, чтобы «этого ублюдка, Сашку» закрыли надолго.

Дело было возбуждено по двум статьям: за мошенничество и неуплату налогов. Подходы к прокурорскому начальнику нашел Тумель. Естественно, что при этом Александр Евгеньевич не забыл и про себя, оставив себе за посреднические услуги немалый кусок причитавшегося прокурору пирога. Конечно же, Минк об этом даже не подозревал.

Узнав от болтливого следователя, ведущего дело Мыльникова, о грядущем аресте подозреваемого и о его возможном объявлении в розыск, Тумель решил погреть на этом руки. Федору Петровичу он сказал, что может договориться с прокурорскими о розыске и аресте его врага, но для этого требуется «сказать спасибо»…

Продолжая внимательно слушать своего собеседника, Кравчук вспомнил, как развивались события год назад, после того, как истекло время, отведенное ему судьей Спицыной для ознакомление с материалами уголовного дела.

Август 2008 года.

На часах было 17:45, когда представители государственного обвинения наконец-то завершили оглашать обвинительное заключение.

По предложению своего подзащитного Кравчук вместе с ожидавшим их на выходе из суда адвокатом Маковским прибыли в офис «Третьего Рима».

– Коллега, ну как продвигается наше дело, – спросил у Василия Александр Яковлевич, – что Вы планируете сделать в ближайшее время?

– Мне кажется, что это дело я не изучу никогда! – сокрушенно покачал головой Василий.

– Но-но, чего уж Вы так, терпение и труд все перетрут, тяжело в изучении – легко в бою, – неодобрительно глянул на него собеседник.

– Сначала нужно посмотреть, какие доказательства вины Федора Петровича представит прокуратура. Думаю, что на это уйдет не меньше двух месяцев.

– И что же, Вы будете все эти два месяца, как статист, пассивно наблюдать за происходящим? Сами-то Вы что собираетесь предпринять? – неодобрительно сощурился Маковский.

– Для начала, мы заявим о недопустимости некоторых доказательств и об исключении их из доказательственной базы обвинения.

– Каких именно?

– Речь идет, прежде всего, о том, что Федору Петровичу до настоящего времени обвинение не было предъявлено в принципе. Его подписей в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в протоколе допроса обвиняемого нет, как нет и соответствующих отметок о том, что он и его адвокат, то есть Вы, Александр Яковлевич, отказались от подписания этих документов. Второе: нашему подзащитному и Вам по окончании производства по делу не были представлены для ознакомления все материалы дела. В деле имеется протокол с отметкой, что Федору Петровичу дело для ознакомления представлялось в СИЗО, но он якобы отказался его читать, что также надлежащим образом закреплено не было. И третье: в ходе проведения судебно-бухгалтерской экспертизы был нарушен целый букет статей процессуального закона. Так, ее проводила эксперт, которая не была предупреждена об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, а кроме того, в заключении она ссылается на материалы, которые в ее распоряжение следствием не предоставлялись…

– А еще эта экспертша – родная сестра тещи Мыльникова! – подал голос Федор Петрович.

– Да Вы что, а откуда сведения? – оживился Василий.

– А посмотри в постановлении об отмене дела Президиумом Мосгорсуда, там об этом сказано.

– Короче, коллега, я понял, что Вы хотите предпринять в ближайшее время. – Маковский высокомерно посмотрел на Василия «сверху вниз».

– Я, естественно, уже заявлял подобные ходатайства, и они не были удовлетворены предыдущими судьями. Но мой Вам совет – заявляйте сразу все ходатайства в письменном виде в одном судебном заседании. Все это судья должна выполнить, так как ее к этому прямо обязывает постановление Мосгорсуда. Если этого не случится, будем решать вопрос о лишении ее мантии. И еще. Я Вас не пугаю, но будьте предельно осторожны, Александр Иванович Мыльников – очень опасный человек.

За время слушания этого дела пропали без вести два наших свидетеля. Труп одного из них вскоре нашли в лесу в ста метрах от МКАД, так-то…

* * *

В зале суда шел допрос свидетеля Камушкина, который заканчивал расследование дела Минка и направлял его в суд. Сейчас же он занимал весьма высокую должность в прокуратуре Москвы.

– Я Вас правильно понял, свидетель, – начал его допрос Кравчук, – Вы предъявляли Минку окончательное обвинение и материалы уголовного дела в помещении СИЗО «Матросская Тишина»?

– Да, Вы меня правильно поняли.

– Скажите, а Вы предъявляли ему дело в полном объеме?

– Да, в полном.

Сказать правду Камушкин не мог, хотя и был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Если бы он ответил отрицательно, то его действия могли быть расценены судом как грубейшее нарушение уголовно-процессуального кодекса и суд мог бы вынести в адрес прокуратуры частное определение, требовавшее его наказать пусть и за давнишнее, но грубое нарушение закона, а это неминуемо сказалось бы на его дальнейшей карьере.

– В материалах дела, – продолжил Василий, – имеется требование о выводе к Вам для ознакомления с делом подследственного Минка. Так вот, в этом требовании Вами собственноручно указано, что Вы находились в СИЗО сорок минут. Как Вы это объясните?

– Ну, так и объясню, – занервничал свидетель, – он прочитал первые несколько страниц, а потом отказался читать дело, никак это не мотивируя.

– Скажите, каким образом Вы один за сорок минут сумели внести в СИЗО, на третий этаж, 460 томов дела Минка, предъявить ему совсем не маленькое по объему обвинение, начать знакомить его с делом, а потом вынести дело из СИЗО? Кстати, а на чем Вы привезли дело в «Матросскую Тишину»?

Побагровев от злости, Камушкин с ненавистью посмотрел на Кравчука.

– Ну, очень просто, э-э, у меня были помощники… да, студенты-практиканты, их было человек пять, они мне помогали.

– А везли на чем?

– Не помню, кажется, на моей «девятке».

– Вам самому-то не смешно, – с язвительной усмешкой спросил Василий, – может, проведем следственный эксперимент? Посадим вас и пятерых человек в «девятку», а предварительно попытаемся поместить в ее багажник 460 томов дела и посмотрим, как это у нас получится?

– Адвокат, прекратите паясничать, – возмущенно одернула Кравчука судья, – или я напишу на Вас «телегу» в Адвокатскую палату, ведите себя корректно!

– Ваша Честь, – обратился Василий к судье, – у меня письменное ходатайство. Я прошу в целях устранения допущенных нарушений направить данное уголовное дело прокурору для решения вопроса о предъявлении моему подзащитному обвинения и предъявлении ему для ознакомления всех материалов дела.

– Обойдетесь. Суд, совещаясь на месте, определил – в ходатайстве отказать.

– Тогда еще одно письменное ходатайство. Прошу назначить по делу повторную судебно-бухгалтерскую экспертизу, поскольку при проведении той экспертизы, заключение которой имеется в деле, следствием были грубо нарушены…

– Суд считает Ваше ходатайство необоснованным и преждевременным, – на полуслове прервала его судья, – в ходатайстве отказано.

– Я обращаю внимание суда на то, что в постановлении Президиума Мосгорсуда указано на необходимость…

– Адвокат, Вы что, меня не слышите? По-моему, я предельно ясно выражаюсь: Вам отказано. Если у Вас нет больше вопросов к этому свидетелю, суд переходит к допросу следующего…

* * *

На другой день, в обеденный перерыв, Василий постучал в дверь кабинета судьи Спициной.

Открывшая на стук помощница с неудовольствием поинтересовалась:

– Вы что, не видите, сейчас обед, приходите после 14 часов.

– Мне очень срочно нужно переговорить с Ольгой Ивановной!

– Ольга Ивановна, – крикнула помощница, – Вас хочет видеть адвокат по делу Минка. Говорит, что ему некогда ждать, у него к Вам срочное дело!

– Проходите.

Разговор в таком тоне, да еще и с федеральным судьей, Василию предстояло вести впервые, но интересы клиента, да и, честно говоря, правосудия этого требовали. Только бы не переборщить.

После вчерашнего судебного заседания Федор Петрович попросил его поговорить с судьей и поставить ей ультиматум: или она исполняет предписания, данные ей в постановлении Президиума Мосгорсуда, без которых законного и справедливого приговора вынести невозможно, или… лишается судейской мантии. Да, именно так и не иначе.

Согласно российскому законодательству, федеральный судья назначается на должность Президентом и наделяется полномочиями сначала на трехлетний срок. По их истечении, если он сам желает продолжить карьеру судьи и его рекомендует председатель суда – Президент наделяет его полномочиями уже бессрочно. Так вот, по имеющимся у Минка сведениям, у Спициной через три месяца истекали полномочия судьи, и она должна была переназначаться. Со слов Федора Петровича следовало, что один из его друзей руководил Судебным Департаментом при Верховном суде. Есть также влиятельные знакомые и в самом Верховном суде. Эти люди легко могут сделать так, чтобы Спицина не попала в список кандидатов для наделения полномочиями судьи, представляемых Президенту Председателем Верховного суда.

– Ольга Ивановна, добрый день, – вежливо поздоровался Василий.

– Лена, будь так добра, закрой дверь с той стороны. Я Вас слушаю, только недолго, что Вы хотели?

Он медленно, с чувством, с толком и с расстановкой выдвинул судье ультиматум, прося удовлетворить его ходатайства, в чем вчера ему было отказано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.